

УДК 902/904
ББК Т4 63.4
П 15

*Издание осуществлено при частичной поддержке
Министерства образования и науки Российской Федерации
(соглашение 14.В37.21.0954)*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Отв. редактор: *докт. ист. наук, проф.* Д. Г. Савинов

Рецензенты: *докт. ист. наук, проф.* Е. Г. Дэвлет; *канд. ист. наук* Д. В. Черемисин

Редактор английского текста: *PhD* P. G. Bahn

Составление, оформление, перевод: Е. А. Миклашевич

П15 **Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лянищенская. Улазы III. Сосниха.** Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – 112 стр. + 8 стр. цв. вкл. ISBN 978-5-202-01141-2

В издании публикуются материалы четырёх памятников наскального искусства, расположенных на территории Минусинской котловины – петроглифов гор Георгиевская, Сосниха, местонахождения Улазы III комплекса Улазы и ныне не существующей Лянищенской писаницы. Приводятся карты расположения памятников, описания, прорисовки и фотографии изображений, рассматриваются история изучения и методы исследования, вопросы состояния сохранности памятников, а также проблемы их культурно-хронологической атрибуции, стилистики и содержания. Адресовано археологам, историкам, искусствоведам, музейным работникам, краеведам.

ISBN 978-5-202-01141-2

ББК Т4 63.4

Редакционный совет серии «Труды САИПИ»:

докт. ист. наук, проф. О. С. Советова;

докт. ист. наук, проф. Д. Г. Савинов;

докт. ист. наук, проф. Е. Г. Дэвлет;

докт. ист. наук, проф. В. В. Бобров;

докт. ист. наук, проф. Л. Е. Ермоленко;

PhD P. G. Bahn;

канд. ист. наук Г. Г. Король;

Е. А. Миклашевич.

© Н. В. Леонтьев, 2012

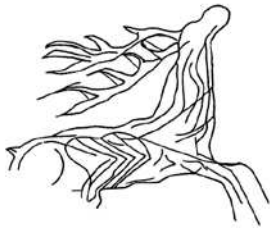
© Е. А. Миклашевич, 2012

© А. Н. Мухарева, 2012

© С. В. Панкова, 2012

© КемГУ, 2012

© САИПИ, 2012

Н. В. Леонтьев, С. В. Панкова

ПЕТРОГЛИФЫ ГОРЫ ГЕОРГИЕВСКОЙ (таштыкские резные рисунки)

N. V. Leont'ev, S. V. Pankova

PETROGLYPHS ON THE GEORGIEVSKAYA MOUNTAIN (engravings of the Tashtyk culture)

Гора Георгиевская (**рис. 1**) находится на левом берегу Тубы, в 1 км к западу от с. Тесь (Минусинский район Красноярского края). Георгиевская является доминирующей высотой в долине р. Ини, что предопределило её особую роль для населения, обитавшего в этом микрорайоне. Почитание горы было воспринято даже крестьянами деревни Тесинской, которые соорудили на её вершине часовню, посвящённую св. Георгию (от неё сохранились остатки фундамента). Отсюда хорошо виден Шалаболинский скальный массив, расположенный на противоположной стороне Тубы.

Петроглифы на скальных обнажениях Георгиевской были известны ещё в XIX в. Н. М. Мартъянов знал писаницу на Егорьевской горе и указал на неё Д. А. Клеменцу. Со слов Н. М. Мартъянова памятник был помещён на карту, составленную Д. А. Клеменцом для каталога «Древности Минусинского музея», опубликованную позднее В. В. Радловым [1888]. Во время маршрута 1885 г. писаницу хотел скопировать И. Т. Савенков, но не нашёл и подверг сомнению её существование. Д. А. Клеменц, однако, настоял на точности своей информации, выражая полное доверие сообщениям Н. М. Мартъянова [Николаева, Пяткин 1979, с. 137].*

В 1904 г. А. В. Адрианов планировал обследовать все писаницы по Тубе: «Тепсейскую, Потрошиловскую, Льнищенскую (новая), Кавказскую (новая), Тесинскую (новая), Шелаболинскую» [Адрианов, 1904, с. 25]. Под Тесинской, скорее всего, подразумевалась писаница на Георгиевской горе, так как других скальных выходов вблизи с. Тесь нет. Однако ни в этот, ни в последующие годы из-за крайней занятости исследователя другими памятниками осмотр «Тесинской» писаницы не состоялся [Адрианов, 1904, 28; 1908, с. 41; 1910, 47–49].

В 1920 г. в ходе разведки археологических памятников рисунки Георгиевской копировали сотрудники Красноярского краевого краеведческого музея Г. К. Мергарт и Г. П. Сосновский [Макаров, 1989, с. 144]. Более подробные сведения об этих работах не известны.

В 1972 г. писаница на Георгиевской горе была вновь обнаружена студентами из отряда Э. Б. Вадецкой во время проведения раскопок у с. Тесь: «На ней были высечены разные фигуры животных. В том же году большая часть писаницы уничтожена геологами» [Вадецкая, черновой рукописный вариант раздела «Писаницы» книги 1986 г.].

В 1974, 1975 и 1980 г. обследование рисунков Георгиевской проводилось Н. В. Леонтьевым, скопировавшим наиболее интересные изображения на южном и северо-восточном (тубинском) склонах горы. По результатам этих исследований был составлен отчёт, хранящийся в Минусинском музее [Леонтьев, 1994].

В 2000 г. в рамках исследования позднесредневековых и этнографических памятников соответствующие рисунки Георгиевской были обследованы С. В. Скобелевым [2003, с. 115].

В 2003, 2004 гг. на Георгиевской работала Южно-Сибирская экспедиция Государственного Эрмитажа с целью исследования таштыкских резных рисунков [Панкова, Архипов, 2004; Панкова, 2005].

Гора Георгиевская протянулась вдоль протоки Тубы, речки Тесь. Большинство изображений расположено на её южном (ЮЮВ) склоне, обращённом в обширную долину реки Ини (**цв. ил. 1–3**). Довольно крутой склон завершается у вершины широким поясом обнажений красных песчаников.

* В 1847 г. вблизи Георгиевской проезжал М. А. Кастрен, совершавший поездку от Минусинска через с. Тесь вверх по Тубе, однако никаких упоминаний о существовании здесь писаницы у М. А. Кастрена нет [Aspelin, 1901, S. 37–39]. Зафиксированная им крашеная писаница у д. Тесь расположена значительно севернее, между с. Анаш и Ирджа (Ирджимская) и не имеет отношения к Георгиевской [там же, S. 51–53].

Рис. 1. Георгиевская гора. Ярус скальных выходов с петроглифами.
Fig. 1. Georgievskaya mountain. The horizon of rock outcrops with petroglyphs.

У подножия склона выявлено несколько могильников от эпохи энеолита до средневековья. Их раскопки проводил в 1928–1932 гг. С. В. Киселев* [Киселев, 1929, 1937, 1937а; Евтюхова, 1938], а в 1971 г. Э. Б. Вадецкая [1986]. Из таштыкских памятников здесь известны склепы и поминальник, часть которого была исследована Э. Б. Вадецкой [1999, с. 266, 267]. Под восточной оконечностью горы в прошлом располагались обширные песчаные выдувы с разветвленными слоями дюнных поселений.

Основной пояс обнажений песчаника начинается от восточной оконечности горы, обращенной углом в сторону с. Тесь, и постепенно понижаясь, тянется в западном направлении до их полного выклинивания. Наскальные рисунки встречены на всем протяжении пояса (34 грани), за исключением нескольких участков, разрушенных при производстве каменоломных работ. Помимо основного пояса, отдельные рисунки встречаются на незначительных по мощности прерывистых верхнем и нижнем ярусах обнажений. Кроме того, небольшие группы рисунков выявлены на других склонах горы. На западной стороне Георгиевской, в распадке между двумя её вершинами на мелких выходах песчаника сохранились фрагменты выбитых и резных фигур. На верхнем прерывистом ярусе тубинского склона на трёх гранях найдены выбитые фигуры животных разного времени. Всего на Георгиевской зафиксировано около сорока граней с изображениями.

Скальные выходы Георгиевской привлекали к себе внимание древних художников на протяжении нескольких тысячелетий. Наиболее ранние рисунки южного и тубинского склонов относятся к числу древнейших изображений Южной Сибири, выполненных в минусинском стиле (рис. 2, 3; цв. ил. 4). Об их глубокой древности свидетельствует даже вид рисунков, покрытых, как и сами грани, желтоватой натёчной известковой коркой. На крупной плоскости южного склона рядом с фигурами маралух находится изображение личины (рис. 3) [НЛ: 18].** Характер выбивки личины и маралух различается, скорее всего, изображения были исполнены разными орудиями. Однако, из этого не следует, что они относятся к разным эпохам: среди известных изображений более позднего времени нет перекрытых известковым натёком, кроме того, личина не находит близких аналогий в памятниках окуневского искусства. Вероятнее всего, она в целом синхронна соседним фигурам, которые могут относиться к афанасьевскому времени.

Следующий по времени пласт изображений представляют несколько схематичных фигур животных с южного и тубинского склонов, которые по стилистическим особенностям должны быть отнесены к эпохе поздней бронзы, то есть карасукской культуре (рис. 4) [НЛ: 8].

* Маловероятно, что рисунки на Георгиевской горе не были известны С. В. Киселеву, однако упоминаний о них в его публикациях нет. Дневник разведок 1928 г. предваряется перечислением видов зарегистрированных памятников, среди которых значится: «Писаниц на скалах – 1» [Киселев, 1929, с. 2, 3]. Однако здесь могли подразумеваться как рисунки Георгиевской, так и петроглифы горы Полосатой, у подножия которой С. В. Киселев работал в том же году.

** Здесь и далее так обозначены номера граней по отчету Н. В. Леонтьева 1994 г., отредактированного в 2005 г. Такая привязка кажется нам важной, учитывая разрушение памятника, при том, что настоящая публикация не является исчерпывающей.

Рис. 2. Вид участка скалы с изображением лосихи на южном склоне Георгиевской и прорисовка изображения.

Fig. 2. A view of the panel on the south slope of Georgievskaya with the image of an elk cow and its tracing.

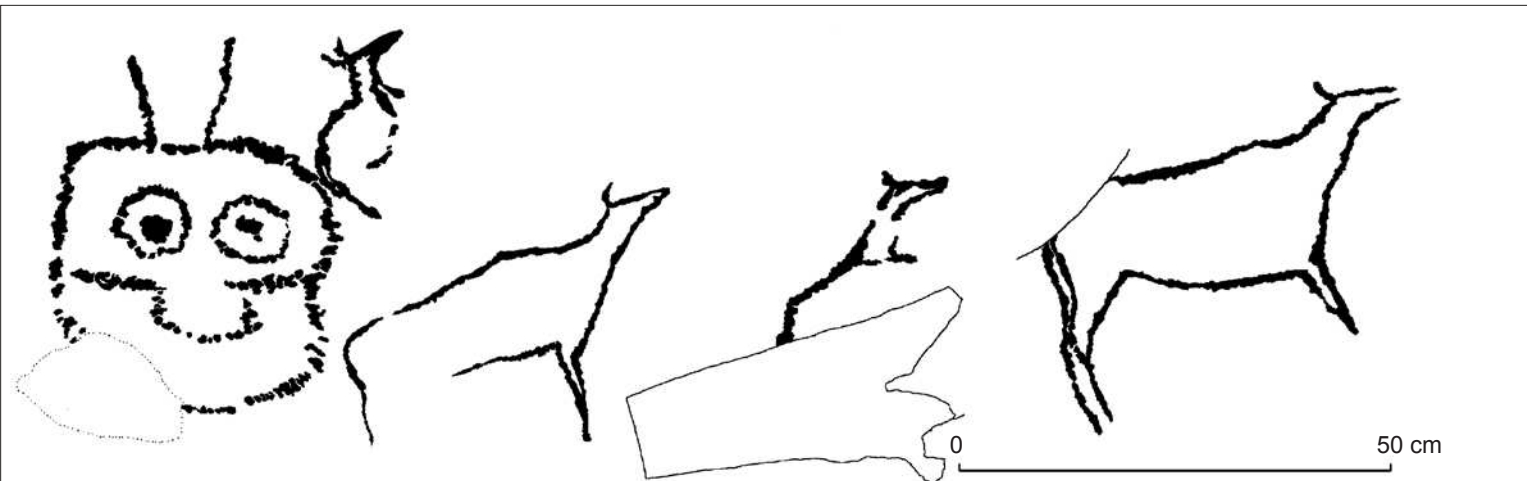

Рис. 3. Прорисовка композиции с изображением личины и маралух.

Fig. 3. Tracing of the composition with images of face-masks and hinds.

Рис. 4. Фигуры животных в карасукском стиле. Южный склон Георгиевской. Микалентная копия.

Fig. 4. Animal figures in the style of the Karasuk culture. South slope of Georgievskaya. Mikalents rubbing on the rock.

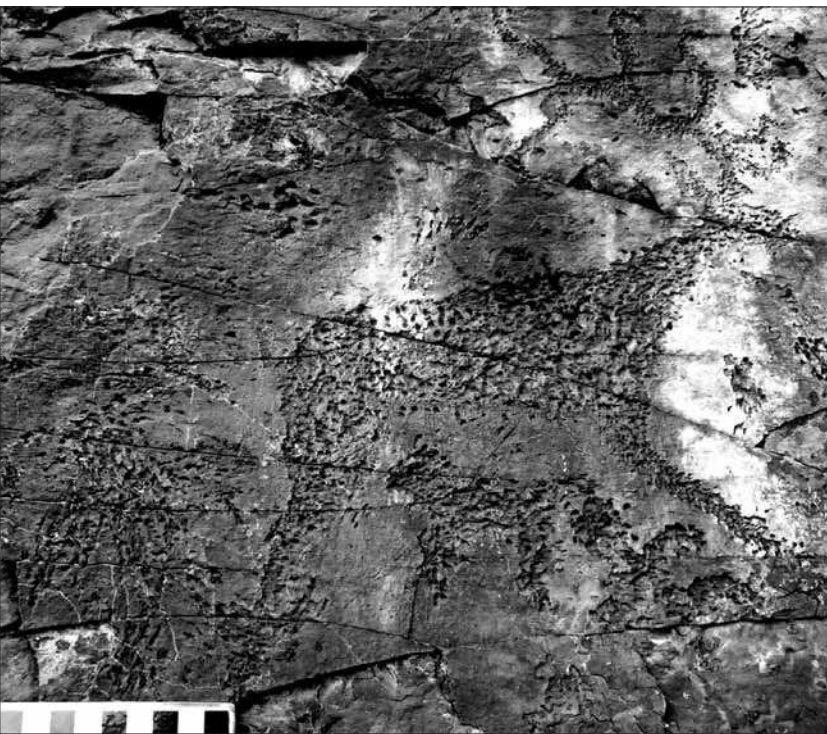

Рис. 5. Фрагмент композиции скифского времени. Южный склон Георгиевской.

Fig. 5. A fragment of a composition of the Scythian period (Tagar culture). South slope of Georgievskaya.

Рисунков последующего тагарского времени на Георгиевской очень мало. К их числу уверенно может быть отнесена лишь композиция с оленями на одной из граней южного склона (**рис. 5; цв. ил. 6**) [НЛ: 30].

Очень богато представлены изображения таштыкской культуры. Почти все рисунки, выполненные в технике гравировки, то есть тонкими резными линиями, были созданы именно в это время. Таштыкские гравировки на нескольких гранях перекрыты выбитыми изображениями человека и животных, возраст которых недостаточно ясен. Вероятно, они не моложе XIII–XIV вв.

И наконец, самый поздний пласт, не считая современных подражательных рисунков, может датироваться XV–XVIII вв. Его

составляют грубо выбитые изображения людей, нередко с саблями и бубнами в руках, рисунки деревьев и разных животных (**рис. 6; цв. ил. 5, 8, 9**). Очевидно, к этому же времени относится деревянная рукоять бубна с резными рисунками животных, найденная в конце XIX в. на горе в скальной расщелине и хранящаяся в Минусинском музее [Клеменц, 1890, с. 33, 34, рис. 9 б, в; Яковлев, 1900, с. 56]. Этот пласт изображений пока остаётся практически не изученным.*

Обнажения песчаника на горе Георгиевской интенсивно разрушаются – осыпается поверхностная корка, выпадают целые фрагменты камня. Кроме того, многие плоскости южного склона покрыты современными крашеными надписями, скрывающими древние изображения. Вершина горы этого склона популярна у местной молодежи: горизонтальные обнажения используются как площадки для отдыха и обзора окрестностей, здесь же расположено большинство современных надписей.

Наиболее значителен на Георгиевской пласт таштыкских гравировок. Большинство из них находится на основном ярусе южного склона горы. Двенадцать плоскостей с изображениями расположены на пяти участках (**цв. ил. 1**). Нумерация участков идёт с запада на восток, грани каждого из них обозначены буквенными индексами. Все грани вертикальные, за исключением двух (2G и 5B). Поверхность плоскостей ровная и гладкая, удобная для создания гравировок. Размеры плоскостей даются в последовательности: ширина, высота. Отдельные изображения в резных композициях прорезаны чётче и глубже других – возможно, они подновлялись, хотя трудно сказать, когда это происходило.

* Поздние выбивки Георгиевской – особая тема, достойная отдельной публикации. С. Г. Скобелев считает, что изображения людей с саблями следует связывать с байкотовцами – этносом кетоязычного происхождения, расселившимся в степях Минусинской котловины в XVIII в. после ухода отсюда кыргызов [Скобелев, 2003, с. 112]. По мнению Н. В. Леонтьева, поздние выбивки Георгиевской действительно связаны с байкотовцами, но названная С. Г. Скобелевым дата «после XVIII в.» слишком завышена, так как это население обитало в бассейне Тубы задолго до XVIII в. Вероятная принадлежность рисунков байкотовцам определяется прежде всего исторической ситуацией. В XVII в. на Тубе расселялись тюркоязычные тубинцы и кетоязычные байкотовцы (одно из первых известных упоминаний о байкотовцах в русских документах относится к 1634 г., когда атаман Михаил Кольцов совершил поход на р. Упу (Тубу) «на кашинцев и байкотовцев»). В первой половине XVIII в. в районе озера Кызыккуль и, очевидно, самой Георгиевской, обитал байкотовский род Коль [Миллер, 1739 г.]. На горе Георгиевской есть погребения эпохи позднего средневековья, совершённые по обряду ингумации, то есть принадлежащие не тюркскому населению. Стилистически рисунки Георгиевской отличаются от рисунков хакасов XIX в., следовательно, между ними существовал временной разрыв.

Петроглифов, подобных поздним выбивкам Георгиевской, встречается очень мало, причём они есть только на правобережье Енисея. О принадлежности поздних изображений Георгиевской кетоязычному населению может свидетельствовать и присутствие в их числе человеческой фигуры с расходящимися лучами на голове, ассоциирующейся с кетским Есем (**рис. 6, 1**). Кроме того, на Георгиевской имеются изображения животных с длинными изогнутыми хвостами, напоминающие ящерц (**рис. 6, 3, 5, цв. ил. 8**), которые пользовались культовым почитанием у кетов.

В лесостепной части бассейна Тубы кетоязычное население расселялось задолго до XVII в., о чём свидетельствуют сохранившиеся здесь гидронимы с характерным кетским (байкотовским) термином *шед/шет*, значащим «река»: Инишед, Курумбашед, Тагашет, Тагбишед, Тугеншед и др. Эти названия были записаны учёным-путешественником Г. Ф. Миллером в 1730-х гг., некоторые сохранились до наших дней.

Рис. 6. Поздние изображения на горе Георгиевской: 1 – прорисовка фигуры «солнцеголового»; 2, 3, 5 – общий вид плоскости с изображениями деревьев и «ящериц» и прорисовки отдельных фигур; 4 – изображение человека с бубном.
 Fig. 6. The latest images on the Georgievskaya mountain: 1 – tracing of a “sun headed” figure; 2, 3, 5 – general view of the panel with depictions of trees and “lizards”, tracings of some figures; 4 – human figure with a drum.

Участок 1 (грань 1) [НЛ: 39] (рис. 7). На западной оконечности яруса на высоте 1,6 м имеется своеобразная ниша, где расположена вогнутая плоскость размером 1,0×0,8 м. В её нижнем левом углу размещены фигуры лошади и быка, частично разрушенные сколами. В центре плоскости – фигура оленухи, несущейся им навстречу.

Участок 2. В 10 м к востоку находится следующая группа изображений – семь плоскостей с гравировками 2А–2Г (рис. 8). Грани А–Е обращены к юго-востоку, а F и G – к юго-западу. Почти на всех гранях есть поздние выбивки или крашенные надписи.

Грань 2А [НЛ: 38а] размером 65×115 см отделена от окружающей скалы двумя вертикальными щелями. Выпавшим куском скалы грань с рисунками оказалась рассечена на две части (рис. 8, 9). На утраченном фрагменте была вырезана голова животного. На плоскости различимы 18 фигур, хотя вся поверхность камня испещрена резными линиями (рис. 9, 10). Большая часть изображений нарушена выбоинами или выбивкой. Самое верхнее изображение напоминает фрагмент фигуры человека (рис. 10, ф. 1), ниже него – часть похожей антропоморфной фигуры или какой-то предмет с округлым завершением (ф. 2). Под ним – фигура козули в летящем галопе (ф. 3). В правой части плоскости на том же уровне – изображения трёх лошадей, размещённые одно под другим (ф. 4–6). На верхней лошади, видимо, показан всадник с луком. Его фигура нарушена сколом и выбивкой, а оставшиеся фрагменты плохо определимы. Тело всадника и, видимо, головной убор показаны резными линиями, пространство внутри которых заполнено рядами наколов. Вероятно, так изображен доспех: похожим способом передано панцирное облачение рыцарей на деревянной планке Тепсея и Сулекской писанице [Грязнов, 1979, рис. 60, 6; Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 93]. Рисунки двух верхних коней пересекаются с многочисленными неопределёнными резами, и их контуры до конца не ясны (ф. 4, 5). Нижнее изображение лошади (ф. 6) вырезано глубоко и отчётливо. По сторонам от него показаны две неопределённые фигуры: каждая в виде купола, покрытого сеткой линий, и с парой каплевидных выступов внизу (ф. 7, 8).

Следующая группа рисунков отделена от описанных горизонтальной трещиной. Слева здесь выбита фигура коня, а справа вырезаны изображения четырёх копытных, человека (?) и лук (ф. 9). Антропоморфная фигура (ф. 10) вырезана очень тонко и сильно нарушена. Возможно, это обращённый вправо человек в приталенной короткой куртке. Выше него справа вырезана фигура козули или молодого марала (ф. 11), а ниже неё – бегущий олень (ф. 12). Справа от оленя крупное копытное вскинулось на дыбы (ф. 13), причём верхняя часть этого рисунка пересекается с маленькой фигуркой молодого оленя (ф. 14).

Нижняя часть грани 2А включает четыре резные фигуры и множество неясных линий. Поверхностная корка по краям грани осыпалась, видимо, унеся с собой часть изображений. В центре сохранившегося фрагмента выбита человеческая фигура, нарушившая гравировки. В левой части плоскости изображён сосуд на поддоне типа кубка (ф. 15). Правее кубка – фигура лосихи (ф. 16), а над ней ещё одно копытное, нарушенное выбивкой (ф. 17). В правой части композиции вырезано изображение лося (лосихи) с вонзившейся в спину стрелой (ф. 18).

Слева от грани 2А Н. В. Леонтьев зафиксировал резной рисунок коня со стременами (рис. 11) и фрагмент фигуры оленя [НЛ: 38б]. Прорисовка коня была опубликована Л. Р. Кызласовым [1990, рис. 1, 3]. В 2003 г. эти изображения не найдены.

Грань 2В [НЛ: 38в] расположена слева от 2А, у самой поверхности земли. Две фигуры вырезаны на ровном участке 50×20 см (рис. 8, 12; цв. ил. 7). Изображены человек с луком и марал. Шея марала покрыта продольными полосами, а бока – клиновидными линиями. Задние ноги оленя и нижняя часть фигуры человека уничтожены сколом.

Грани С, D, E, расположенные в 1 м справа от грани 2А, ранее могли представлять единую плоскость. Однако вывалившийся блок песчаника разделил её на три фрагмента, каждый из которых описывается отдельно.

Грань 2С [НЛ: 37] расположена правее и выше 2А, на высоте 160 см (рис. 8). Грань 60×35 см разделена глубокими трещинами, причём один из образовавшихся фрагментов сильно выдвинут наружу. Резные изображения включают четыре фигуры и фрагмент пятой, утраченной (рис. 13). Вверху слева вырезана фигура животного с длинными ногами и ушами, может быть, зайца (ф. 1). Перед ним показан какой-то небольшой зверёк с острыми ушками (ф. 2). Ниже (на выпадающем блоке) – крупная фигура оленьего с мощными древовидными рогами (ф. 3). Правее него вырезано ещё одно животное, чьи рога и окончания ног уничтожены сколом (ф. 4). На плоскости имеется фрагмент несохра-

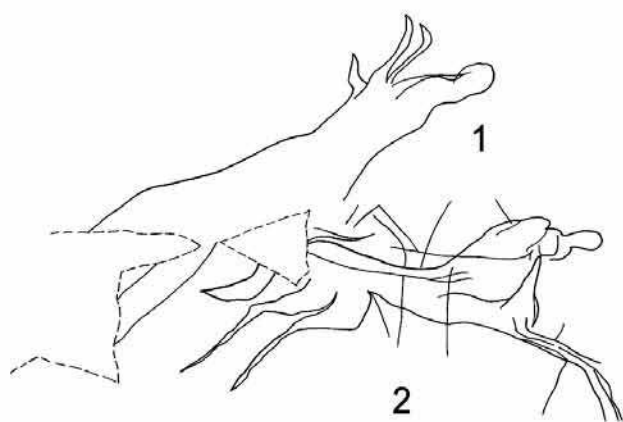
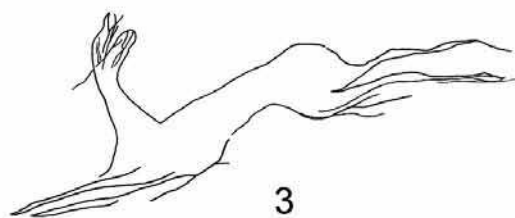

Рис. 7. Участок 1, грань 1.
 Общий вид грани с гравировками.
 Прорисовка изображений.
 Fig. 7. Section 1, panel 1. General view of
 the panel with engravings and a tracing of
 images.

0 10 cm

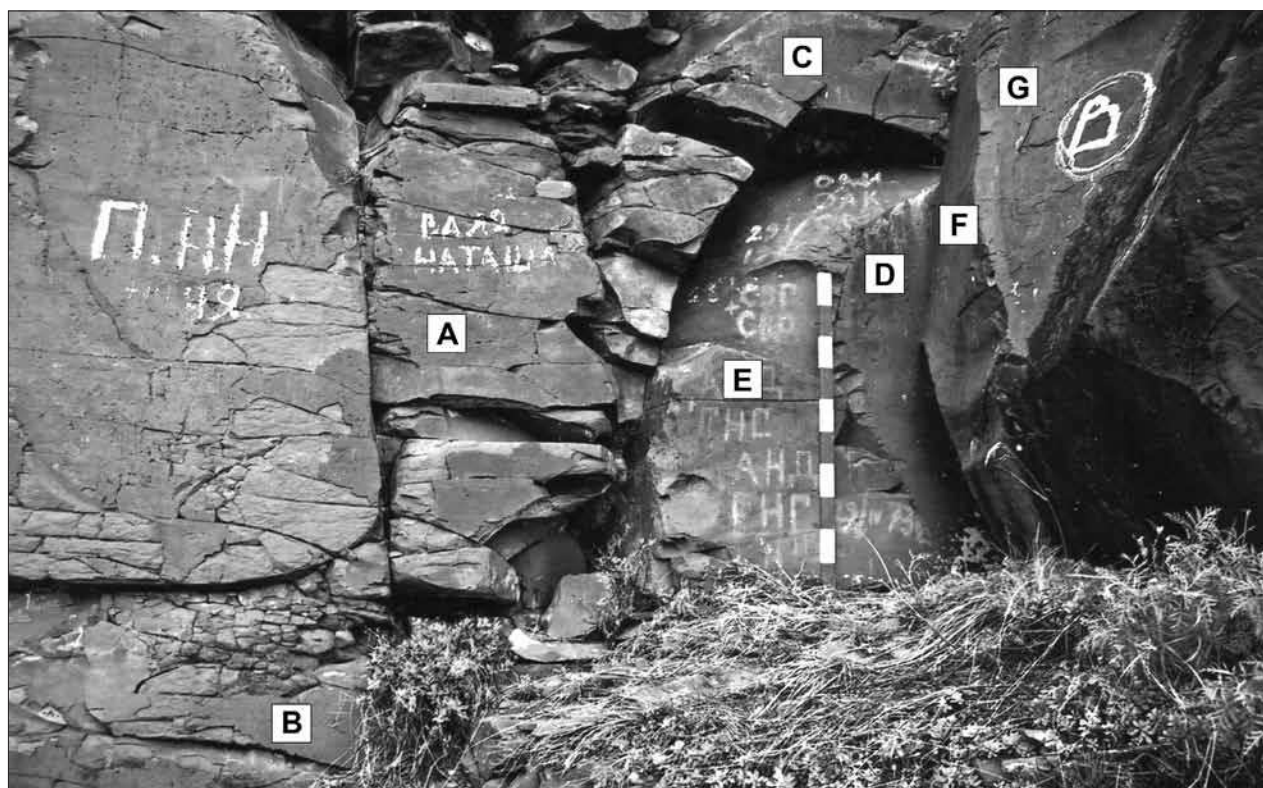
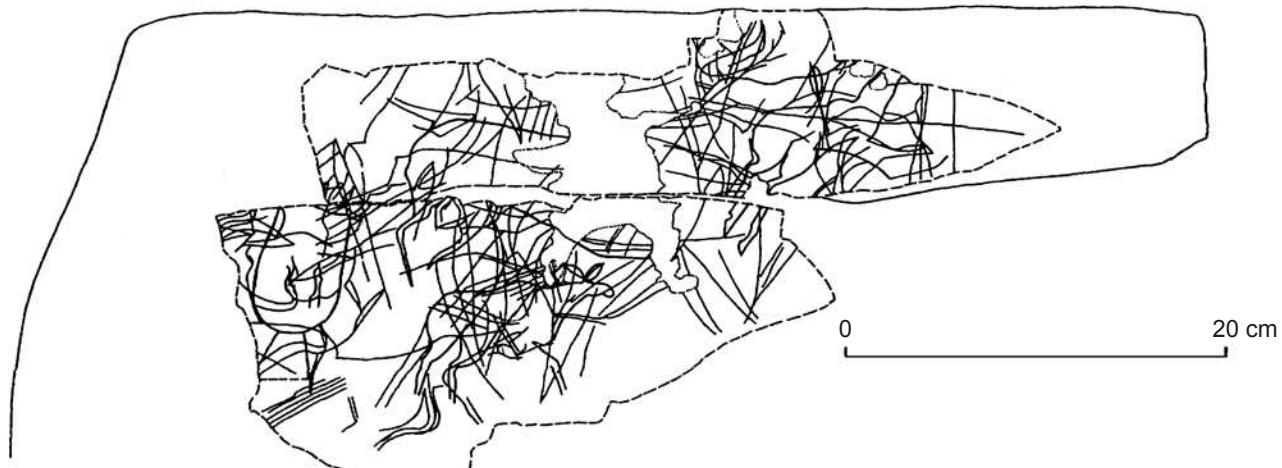

Рис. 8. Участок 2. Общий вид. Взаиморасположение граней с рисунками.
 Fig. 8. Section 2. General view. Arrangement of panels with engravings.

Рис. 9. Грань 2А. Полная прорисовка.

Fig. 9. Panel 2A. Complete tracing.

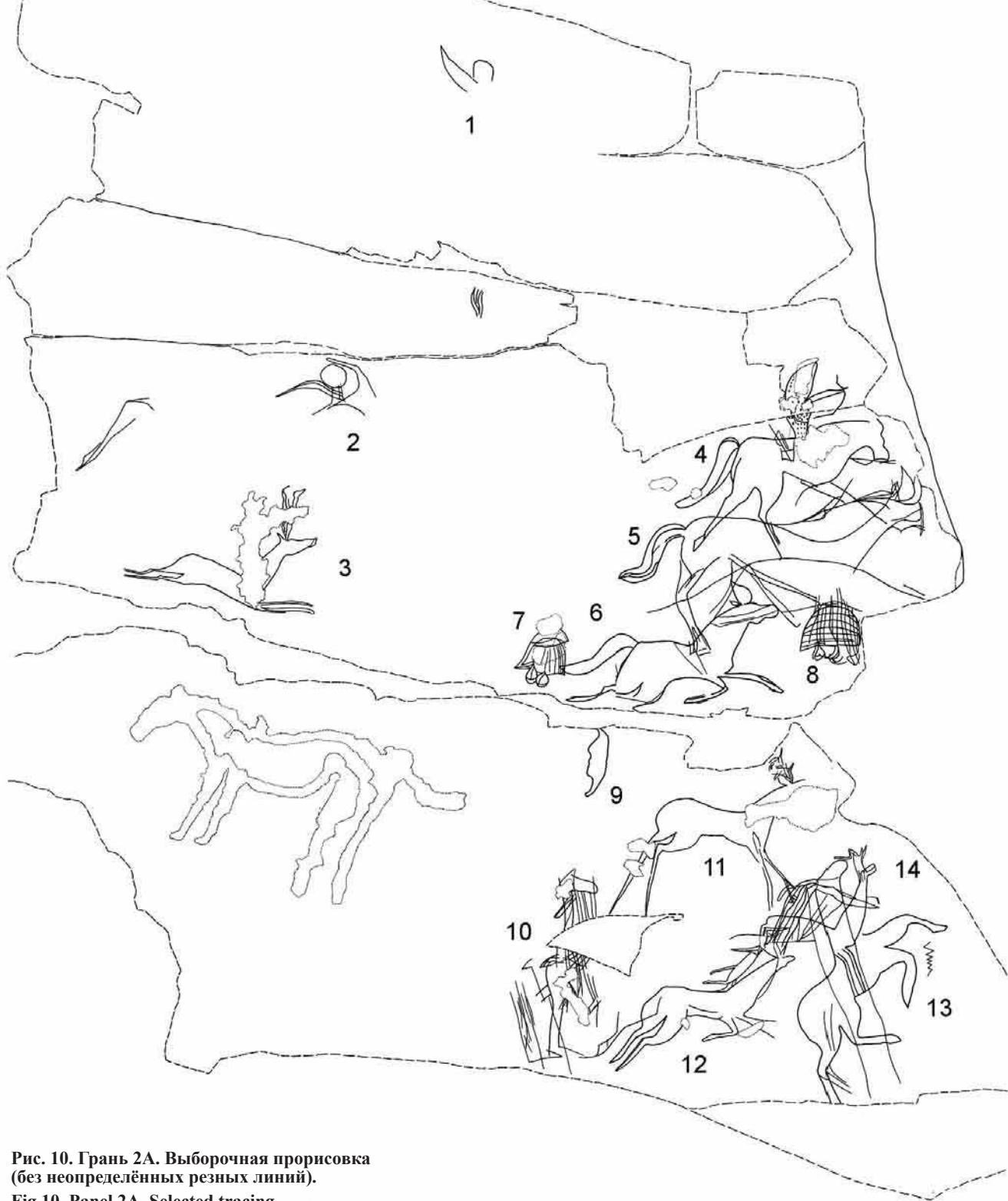
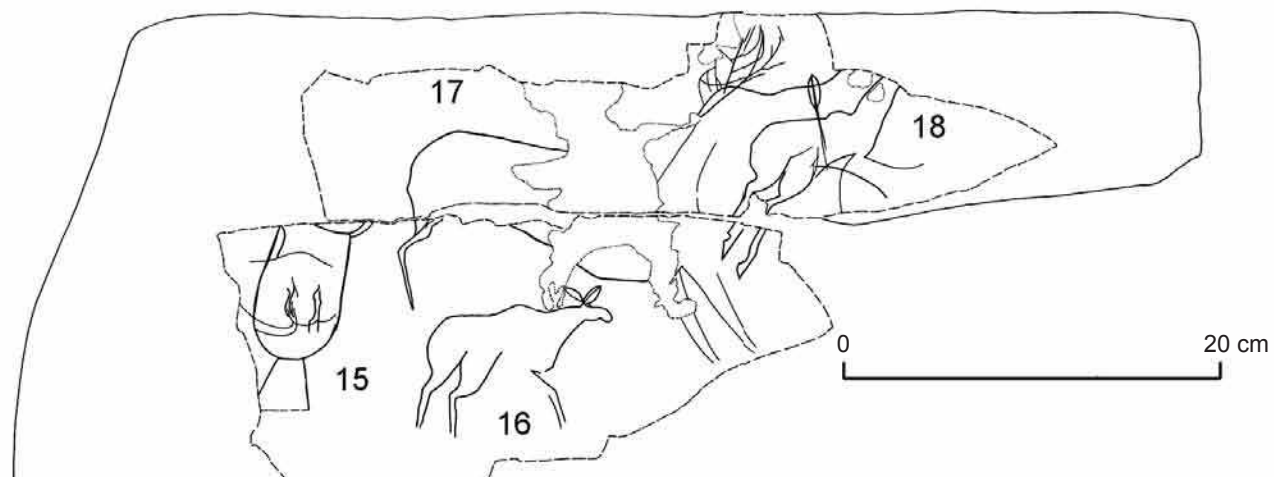

Рис. 10. Грань 2А. Выборочная прорисовка (без неопределённых резных линий).
 Fig 10. Panel 2A. Selected tracing (without indefinite engraved lines).

нившейся фигуры – рога. Переданные необычным способом, они представляют пару изогнутых стволов с отходящими от них вертикальными линиями.

Грань 2D [НЛ: 37в] расположена ниже и правее предыдущей (**рис. 8**). На высоте 90 см – изображение марала с вонзившейся в грудь стрелой (**рис. 14**).

Грань 2E расположена ниже двух предыдущих, под «нишей» от выпавшего блока скалы (**рис. 8**). На высоте 60 см вырезаны два сосуда на поддонах (**рис. 15**). Верхняя часть одного из них опоясана горизонтальными полосами. Вокруг сосудов много бессистемных линий, а в левой части грани различимо изображение, напоминающее человеческую фигурку.

Грани с рисунками F и G находятся на соседнем участке скалы и расположены под углом к плоскостям А–Е. Изображения нанесены на двух смежных гранях, разделённых вертикальным выступающим ребром.

Грань 2F [НЛ: 36] граничит с 2D. На высоте 1,5–1,7 м находятся две резные фигуры (**рис. 16**). Вверху схематично изображена птица с распростёртыми крыльями. Ниже вырезана фигура копытного, поражённого стрелой. Горизонтальные линии под фигурой оленя, продолжающие линии его

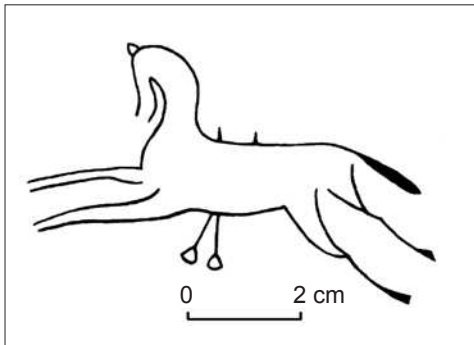

Рис. 11. Участок 2. Резная фигура коня со стременами (по Л. Р. Кызласову). Утрачена (?).

Fig. 11. Section 2. Engraved horse figure with stirrups (after L. R. Kyzlasov). Lost(?).

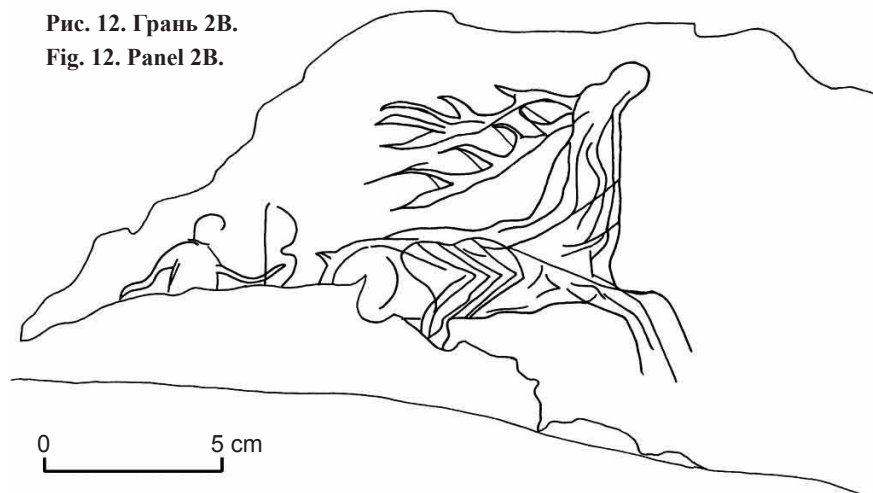

Рис. 12. Грань 2В.

Fig. 12. Panel 2В.

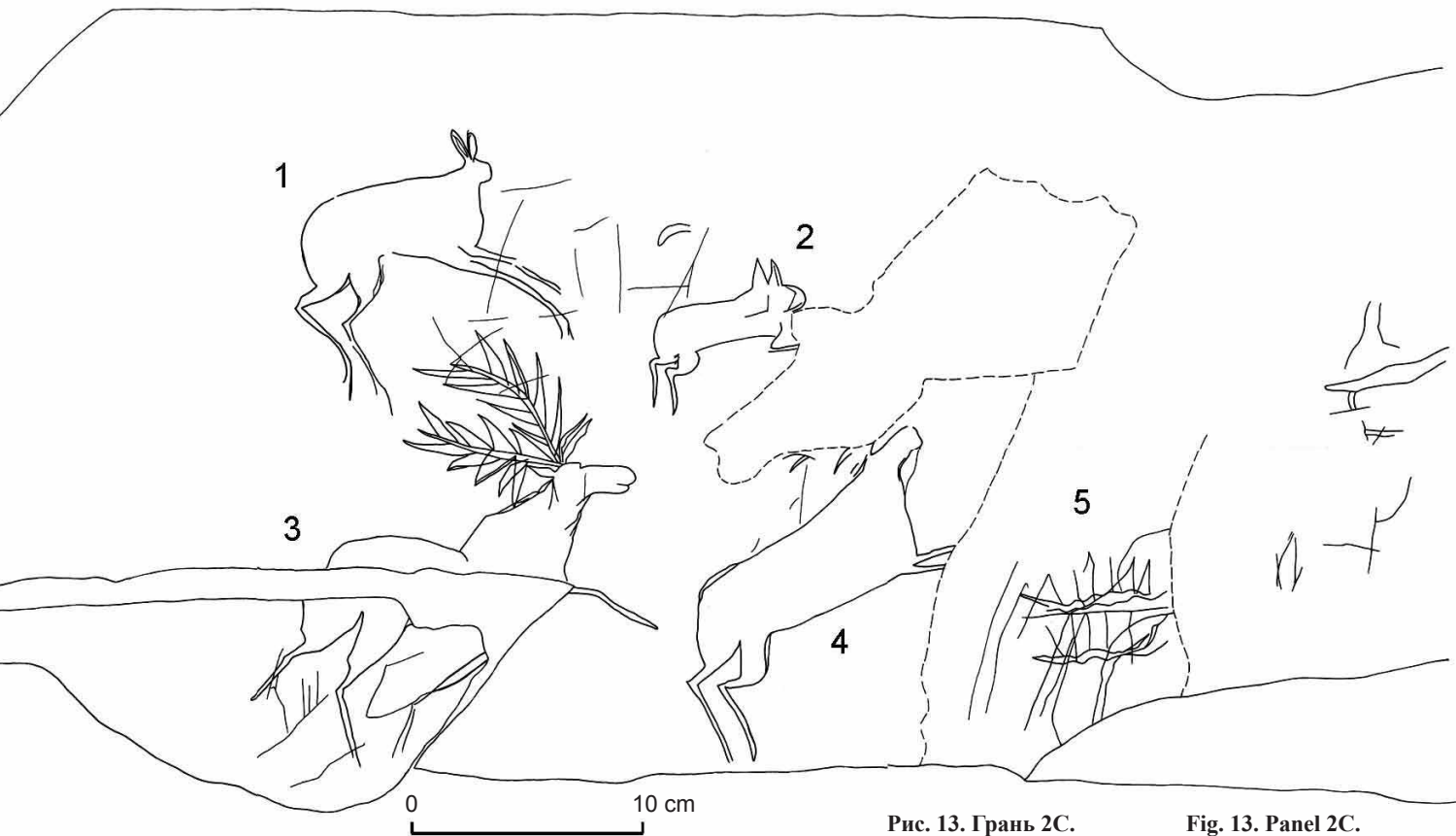

Рис. 13. Грань 2С.

Fig. 13. Panel 2С.

Рис. 14. Грань 2D.
Fig. 14. Panel 2D.

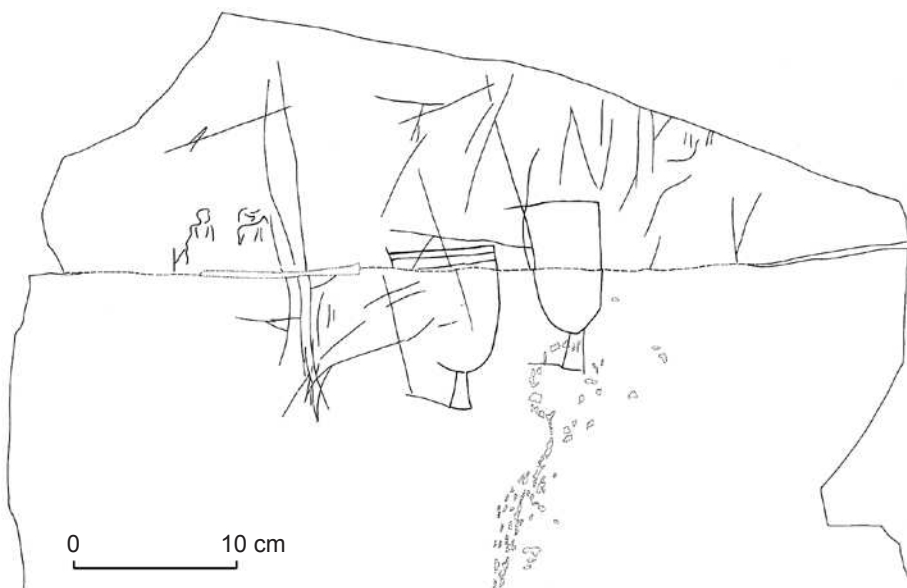

Рис. 15. Грань 2E.
Fig. 15. Panel 2E.

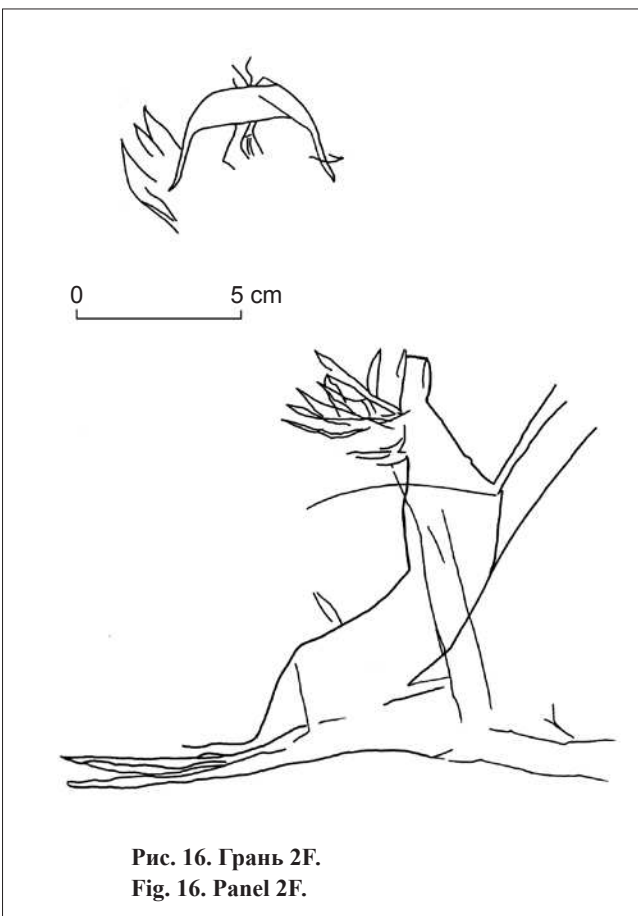

Рис. 16. Грань 2F.
Fig. 16. Panel 2F.

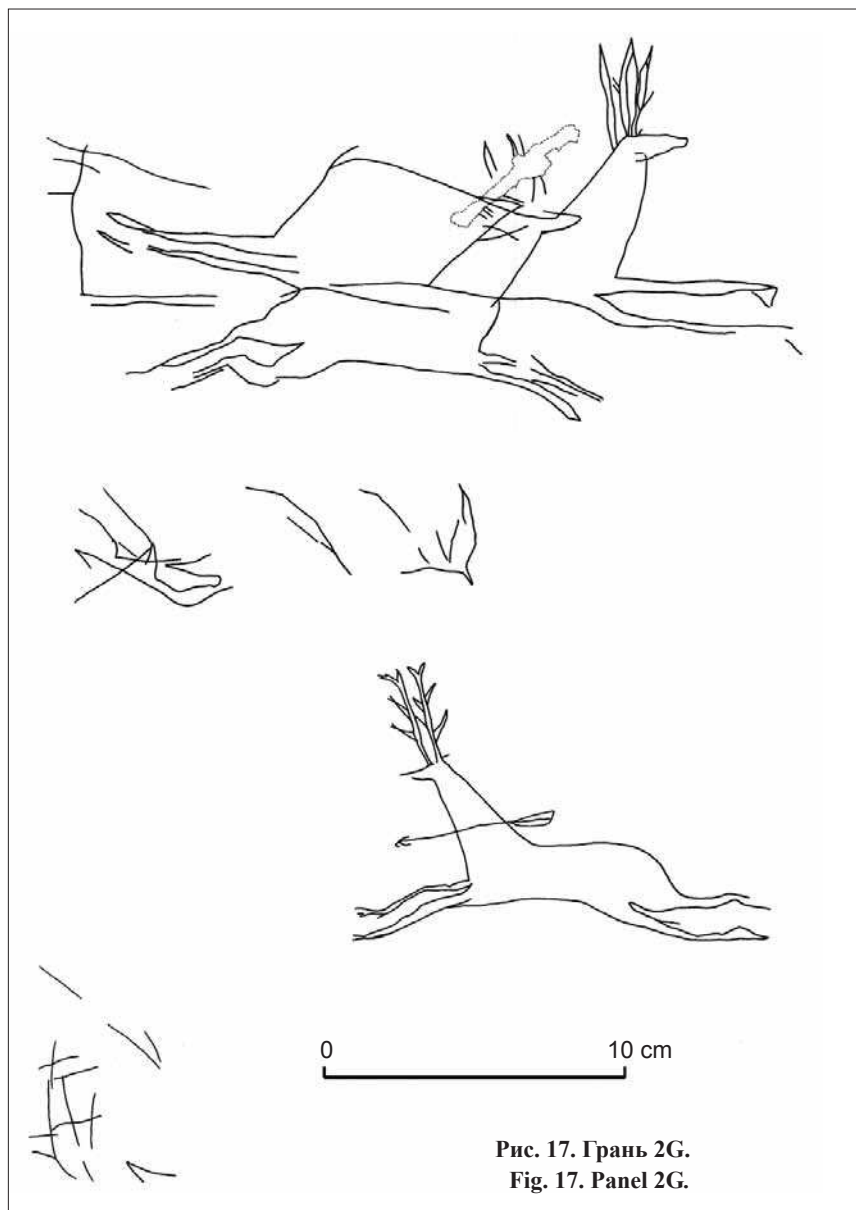

Рис. 17. Грань 2G.
Fig. 17. Panel 2G.

задних ног, представляют как будто отпечаток его предыдущего движения. Возможно, здесь был использован тот же подчёркивающий движение приём («мультипликация»), что известен и по другим наскальным рисункам Саяно-Алтая [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 59; Михайлов, 2001, табл. 15; Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005, с. 270].

Грань 2G [НЛ: 35] составляет продолжение предыдущей, но изогнута под углом по отношению к ней. Это наклонная грань $1,3 \times 2,0$ м. Крашенная буква «В» в центре плоскости скрывает часть гравировок. Тонкими линиями прорезаны фигуры двух косуль, несущихся бок о бок. Ниже них показана третья косуля, бегущая в обратном направлении и пронзённая стрелой (рис. 17).

Участок 3 (грань 3) [НЛ: 34]. Следующий участок с гравировками расположен в 8 м от предыдущего за округлым выступом скалы. Это плоскость размером $2,0 \times 2,5$ м с разрушенной сверху поверхностной коркой (рис. 18). В центре плоскости выбиты фигуры лосей, нарушившие часть гравировок. Кроме того, вся её поверхность испещрена выбоинами и записана крашеными надписями, перекрывающими резные рисунки. Гравировки включают восемь фигур и много неразборчивых линий. В верхней части плоскости показаны три косули, стремительно бегущие вправо (ф. 1–3). У верхней имеется дублирующее изображение задних ног, прорезанное более тонко. Ниже этих рисунков показаны фигуры лося и косули, сильно нарушенные выбивкой (ф. 4, 5). Мощные рога лося переданы чередой арочных изгибов и отростками в виде высоких загибающихся назад «побегов». Между фигурами лося и косули из-под выбивки проглядывают зигзагообразные линии и, возможно, пара ног. Изображение внизу справа – фрагментарная фигура лошади (ф. 6). Отдельно от описанных животных, в центре плоскости вырезана фигура хищника, вероятно, волка (ф. 7). В полуметре левее основного скопления фигур, под самой кромкой скола расположено изображение маралухи или косули в прыжке (ф. 8).

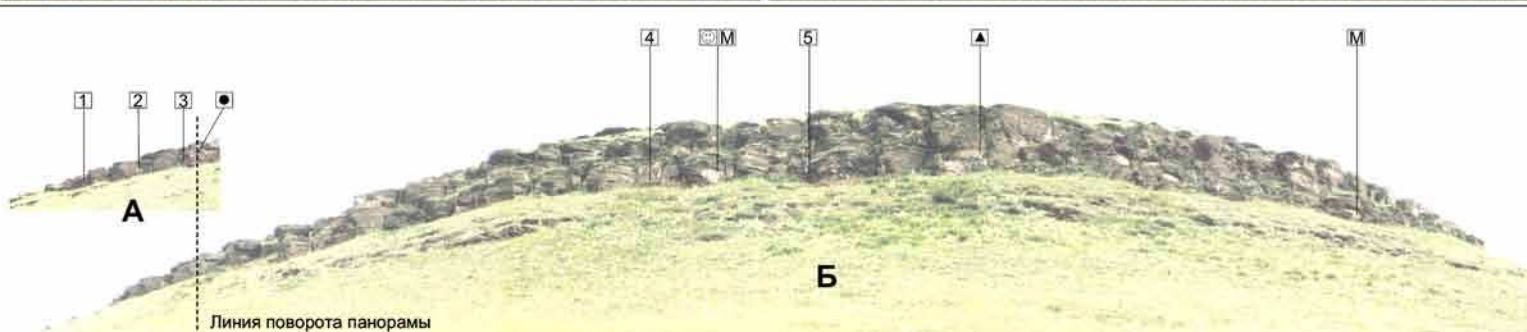
Участок 4 (грань 4) [НЛ: 21] расположен в 90 м к востоку от предыдущего, у современной надписи «Друг, скажи, а чайки тоже гибнут...». Резные изображения представлены на одной грани. Небольшая плоскость $0,7 \times 0,3$ м расположена в самом низу, у основания скальных выходов и обращена к югу (рис. 19). Здесь изображены три фигуры и остатки ещё одной, утраченной (рис. 20). В левой части плоскости вырезана фигура лосихи с гипертрофированно большим горбом (ф. 1). На её горбоносой морде акцентированы губы и серьга, уши изображены одно за другим, как будто в фас. Ноги по сравнению с массивным туловищем непропорционально тонкие. Справа от лосихи – изображение лося, нарушенное осыпавшимся поверхностным слоем камня (ф. 2). От рогов остались только фрагменты отростков, свидетельствующие о некогда мощной короне. В спину лося вошла стрела с ярусным наконечником, пронзившая его насквозь. На плече лося – знак в виде креста. Внизу грани изображена ещё одна фигура копытного, задняя часть тела которого и ноги уничтожены сколом (ф. 3). Позади него сохранились остатки рогов от ещё одной, утраченной, фигуры, располагавшейся в самом низу плоскости (ф. 4).

Участок 5 находится в 30 м к востоку от предыдущей резной композиции. Здесь на высоте около 1 м от основания яруса сходятся три грани, образуя своего рода нишу, и на каждой из них нанесены гравировки (рис. 21).

Грань 5A [НЛ: 14] размером $0,3 \times 0,4$ м расположена на левой стороне «ниши». Это часть бо́льшей, разрушенной плоскости, расколота на отдельные блоки (рис. 21, фото справа). Некоторые из блоков, судя по глубоким разломам, могут легко выниматься, а один из них уже вывалился. Разрушению плоскости способствуют дождевые и талые воды, которые не только заливают её сверху, но и просачиваются изнутри. Здесь изображены три фигуры быков – две сверху и одна под ними (рис. 22). Верхние фигуры практически идентичны, внутри они заполнены зигзагообразными линиями, прорезанными более тонко, чем линии контура. Ниже этих рисунков – крупная фигура быка. На его шее и крупе – параллельные продольные линии, на морде и на боку – отдельные зигзаги. Верхние фигуры, судя по изящным пропорциям тел, могут представлять молодых бычков, а нижнее изображение – взрослую особь.

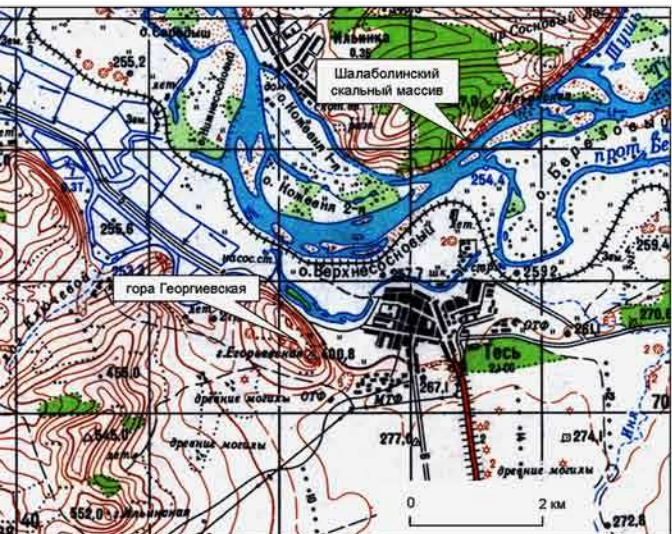
В 1970-е гг. левее и выше гравировок располагались три выбитые человеческие фигуры. К 2003 г. скальный блок с этими изображениями уже разрушился.

Грань 5B [НЛ: 13] расположена справа от предыдущей и обращена к юго-востоку. Грань расположена под отрицательным уклоном $30\text{--}40^\circ$ и образует своего рода навес размером $1,2 \times 0,7$ м (рис. 21). Поверхность плоскости неровная, с многочисленными трещинами и сколами. В верхней части – надписи белой краской «ННН» и «СНА», скрывающие часть изображений, и так еле видимых на

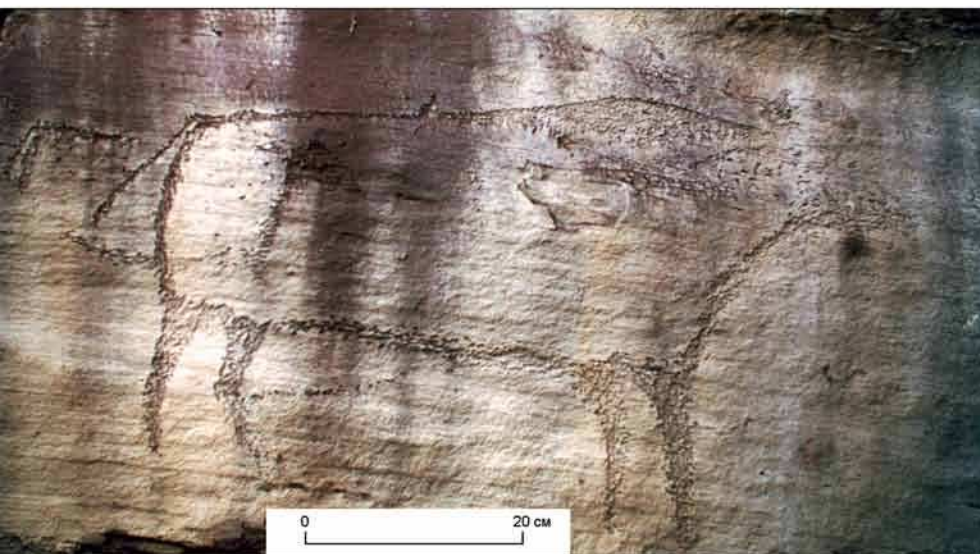
- Таштыкские гравировки / Tashtyk engravings
- Выбивки скифского времени / Pecked images of the Scythian period
- ▲ Изображения в карасукском стиле / Images in the Karasuk style
- ☞ Личина / Face-mask
- Ⓜ Изображения в минусинском стиле / Images in the Minusinsk style

1. План расположения плоскостей с разновременными рисунками на южном склоне горы Георгиевской.
 1. A plan of the location of the panels with images from different periods on the south slope of the Georgievskaya mountain.

2. Гора Георгиевская на карте.
 2. The Georgievskaya mountain on a map.

3. Вид горы Георгиевской с востока.
 3. A view to the Georgievskaya mountain from the east.

4. Одно из древнейших изображений, выполненных в минусинском стиле.
 4. One of the most ancient images rendered in the Minusinsk style.

5. Поздние изображения деревьев.
 5. The youngest images of trees.

6. Плоскость с изображениями скифского времени.

6. Panel with images from the Scythian period.

7. Олень и лучник. Гравировки таштыкского времени.

7. A deer and an archer. Engravings from the Tashtyk period.

8. Позднее изображение «ящерицы».

8. The youngest image of “a lizard”.

9. Антропоморфные фигуры байкотовского пласта.

9. Anthropomorphous figures of the “baykotov” type.

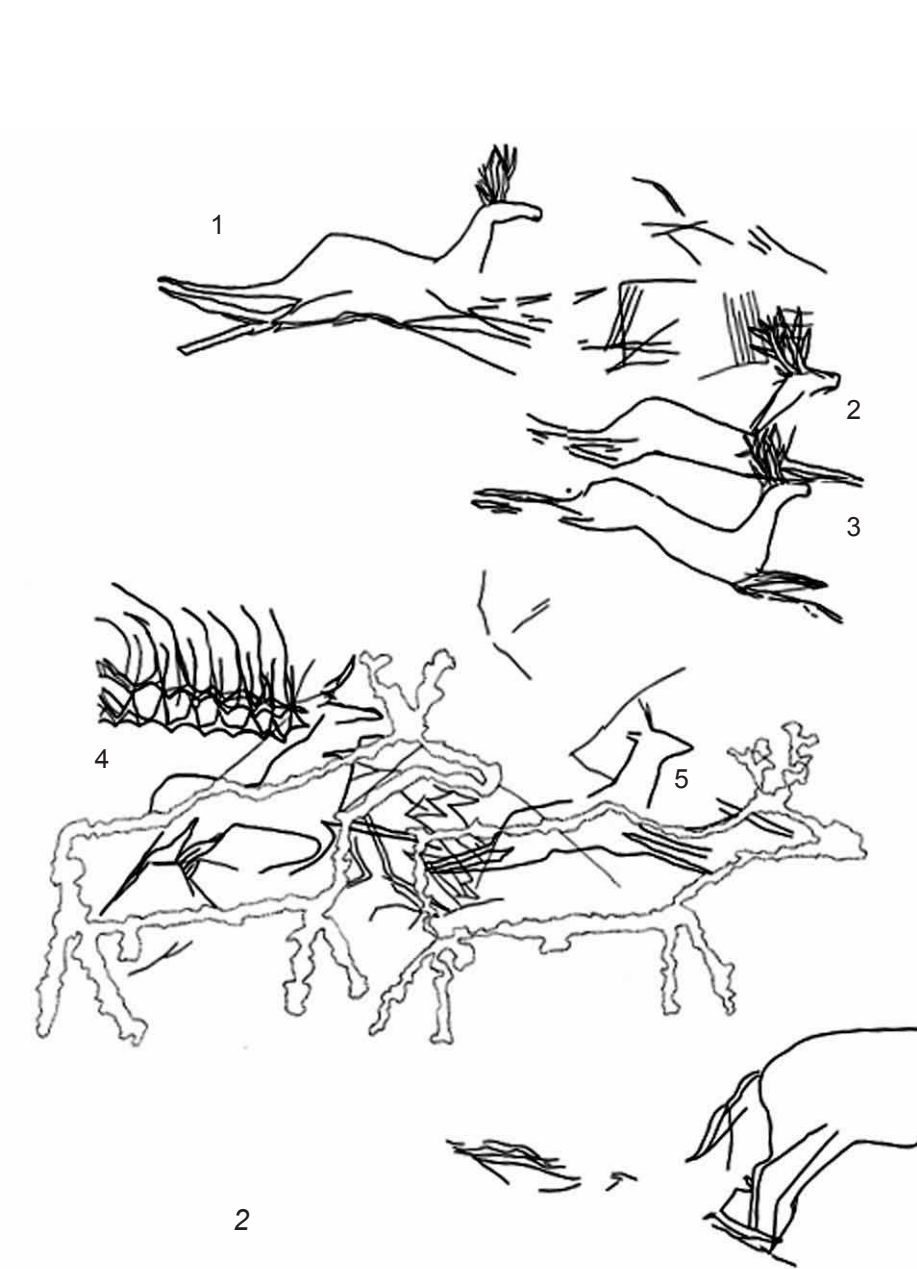
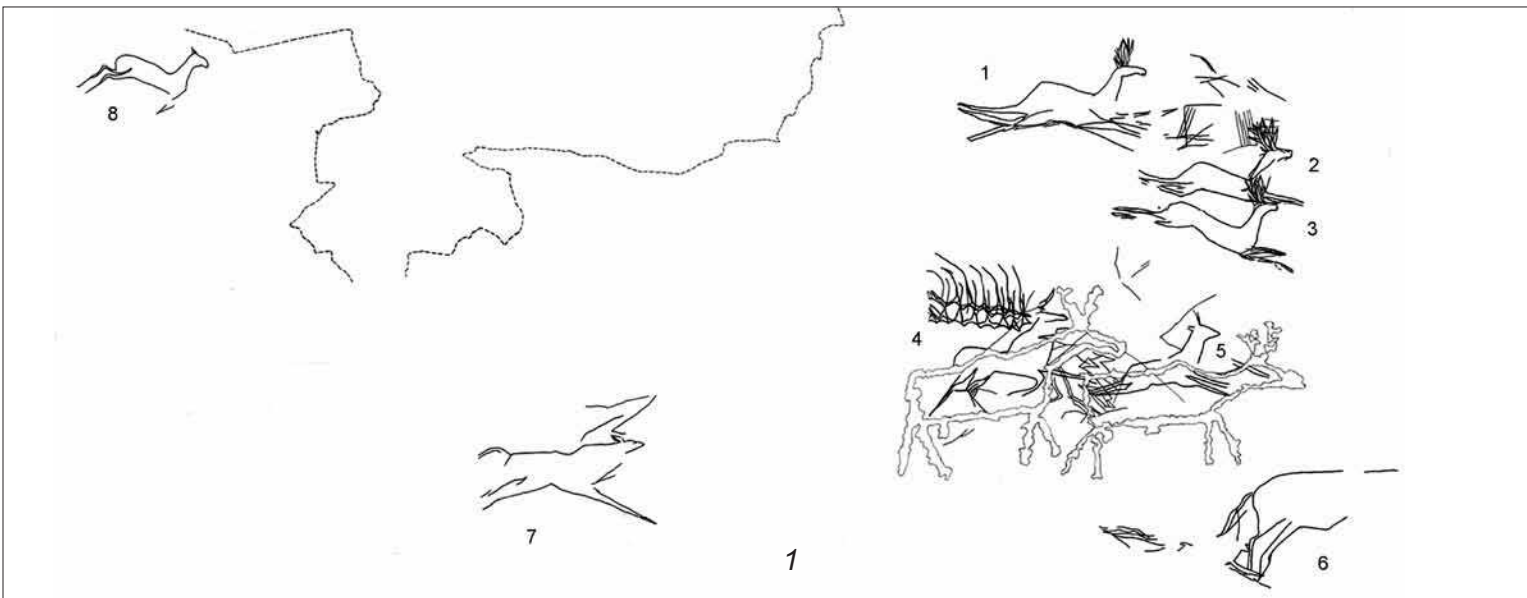

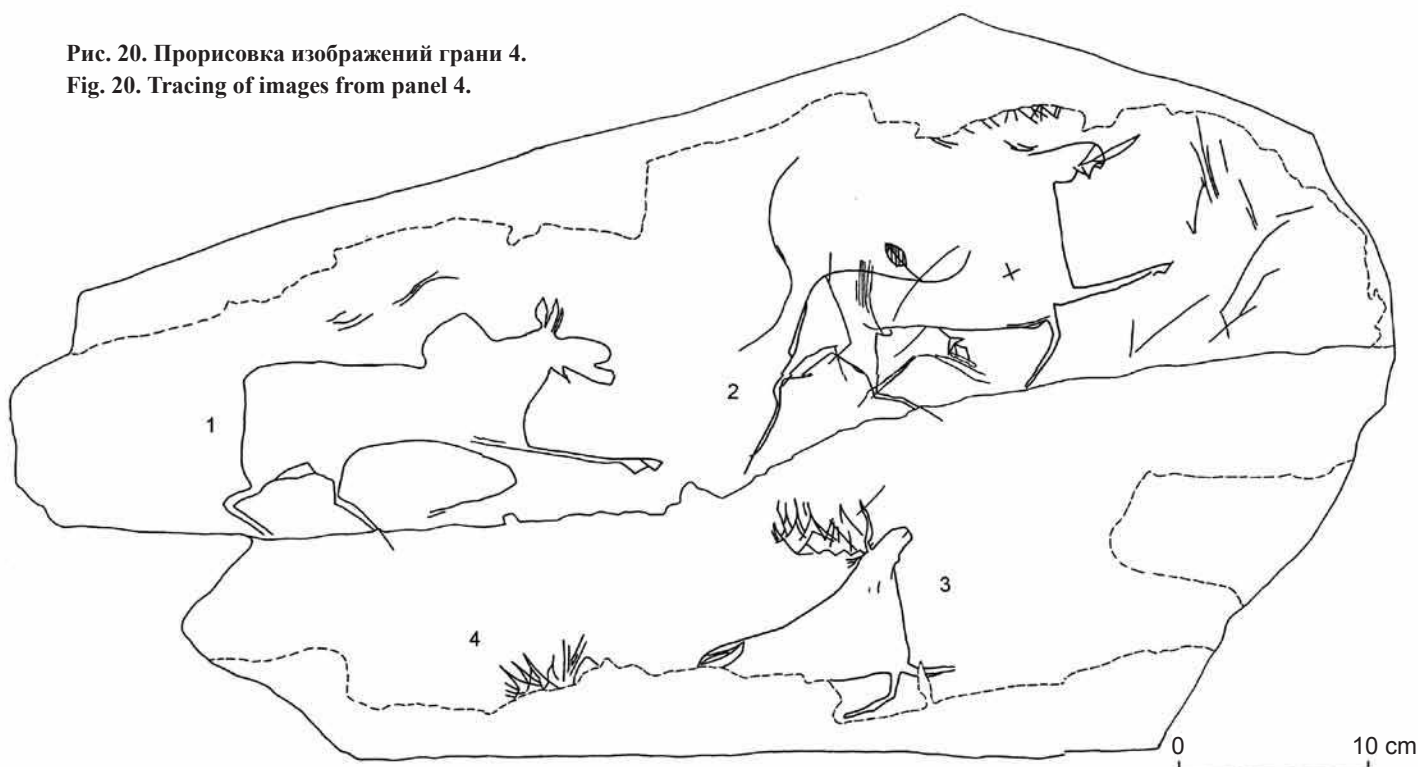
Рис. 18. Грань 3.
 1 – полная прорисовка композиции;
 2 – прорисовка изображений правой части в увеличенном масштабе;
 3 – общий вид.
 Fig. 18. Panel 3.
 1 – complete tracing of the composition;
 2 – enlarged tracing of images in the right-hand part of the composition;
 3 – general view.

Рис. 19. Участок скального яруса, где расположена грань 4.
 Fig. 19. Location of panel 4.

рыхлой поверхности камня. На плоскости зафиксировано 18 фигур животных и лучников (рис. 24). Вверху изображён бегущий бык (ф. 1). В левой части грани показаны два бычка, подобные бычкам с плоскости 5А (ф. 2, 3). Они изображены вплотную друг к другу, так что нижний заслоняет собой верхнего. Тело верхнего животного заполнено зигзагообразными линиями. У нижнего бычка четыре (!) рога. Пронзившая его шею стрела, видимо, была пририсована позднее. Изображения бычков перекрыты крупной фрагментарной фигурой оленя (ф. 4), возможно, более поздней. Ниже бычков показана маленькая фигурка неопределённого животного (ф. 5). Центральную часть плоскости занимает композиция из фигур копытных, всадников и пеших лучников. В её левой части показан бегущий поджарый бык (ф. 6), а над ним две маленькие фигурки лучников (ф. 7, 8). Правее описанных фигур изображены два всадника (ф. 9, 10). В обоих случаях человеческие фигурки непропорционально малы по сравнению с изображением лошади. У верхнего всадника (ф. 9) показан, возможно, щит; более точному определению мешает перекрывающая рисунок полоса краски. Нога человека под брюхом коня показана отдельно от туловища всадника, как бы пририсованная к животу лошади. Под всадником – маленькая фигурка, напоминающая летящего вниз головой человечка (ф. 11). Правее всадника показана

Рис. 20. Прорисовка изображений грани 4.
 Fig. 20. Tracing of images from panel 4.

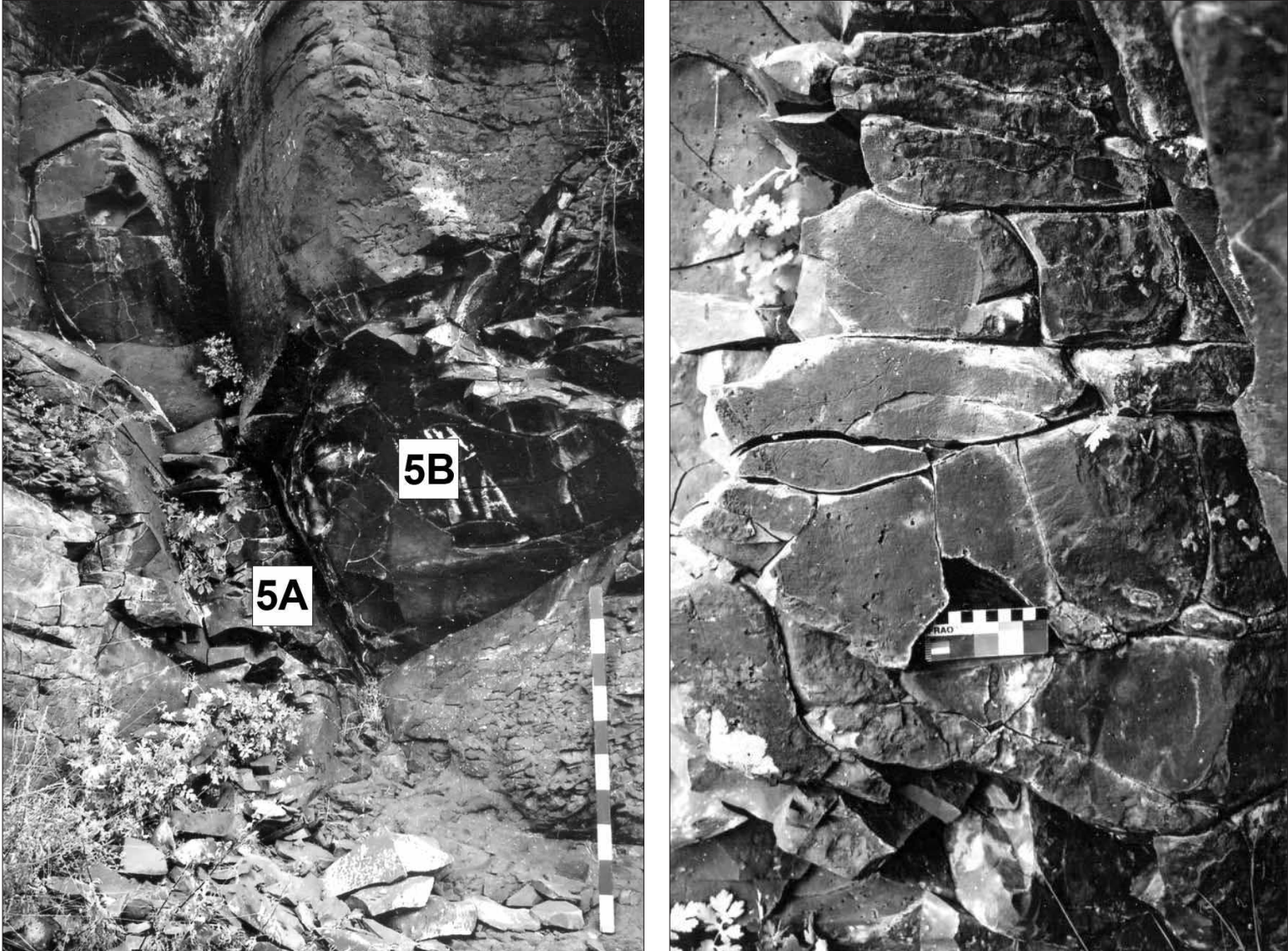

Рис. 21. Общий вид 5-го участка и расположение граней 5А и 5В (фото слева); грань 5А (фото справа).
 Fig. 21. General view of section 5 and arrangement of panels 5A и 5B (left photo); panel 5A (right photo).

ны два копытных. Верхнее представляет, должно быть, оленя (ф. 12), а нижнее, вероятно, лосиху, в грудь которой вонзилась стрела (ф. 13). Нижний всадник натягивает лук, у бедра показан колчан (ф. 10) (рис. 23). Над всадником вырезана стрела и, возможно, ноги животного – остатки фигуры, разрушенной глубоким разломом поверхности. Справа от всадника – крупное копытное с глубоко вонзившейся в круп стрелой (ф. 14) (рис. 24). В правой части композиции изображен человек с луком и колчаном (ф. 15). Перед ним – бегущий поджарый бык (ф. 16). Под быком – фрагментарная фигура копытного (ф. 17). В стороне от других изображений в нижней части плоскости – фигура хищника (медведя или рыси) (ф. 18).

Снизу к описанной плоскости примыкает наклонная грань с остатками резных изображений, похоже, некогда продолжавших рисунки верхней композиции.

Помимо описанных изображений, на южном склоне Георгиевской обнаружены еще две одиночные гравировки – фрагмент фигуры лошади и голова оленухи, оставшиеся нескопированными.

Участок 6 (грань 6) расположен вдали от основной писаницы, на западной стороне Георгиевской, в распадке между двумя её вершинами. Здесь на северо-западном борту распадка имеются небольшие выходы песчаника. В левой части одного из выходов, на узком фризе под нависающим карнизом, на высоте 0,6 м от земли расположена одиночная гравировка (рис. 25). Это схематичная фигура птицы с распростёртыми крыльями и большим хвостом ромбической формы. Голова показана узким, обращённым влево треугольником, хвост и крылья покрыты кривой сеткой. Это изображение практически идентично фигуре птицы с плоскости 2F – скорее всего, они были вырезаны одним человеком.

Большую часть таштыкских композиций Георгиевской составляют сцены охоты людей на копытных или преследования копытных хищниками. В композициях, где представлены только копытные, отражены, видимо, те же сюжеты: в них олени, лоси, косули поражены стрелами либо стремительно

Рис. 22. Грань 5А.
Fig. 22. Panel 5A.

Рис. 23. Грань 5В. Фото. Фрагмент с изображением
конного лучника.
Fig. 23. Panel 5B. Photo. A fragment of the composition:
an image of a mounted archer.

Рис. 24. Грань 5B.
Fig. 24. Panel 5B.

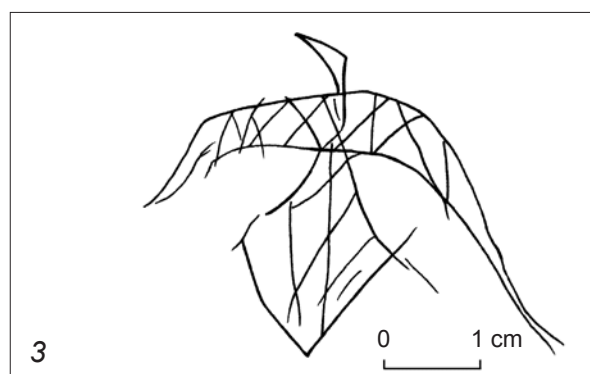
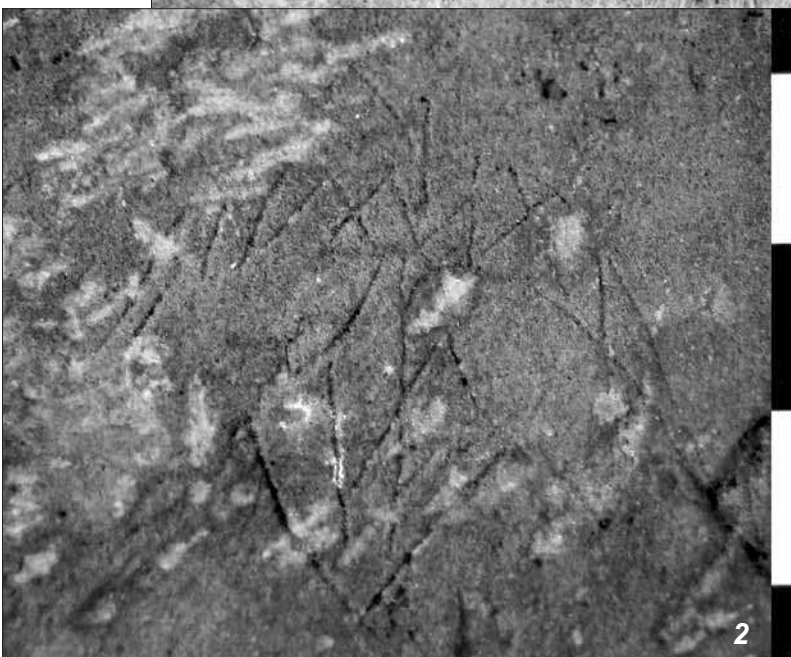
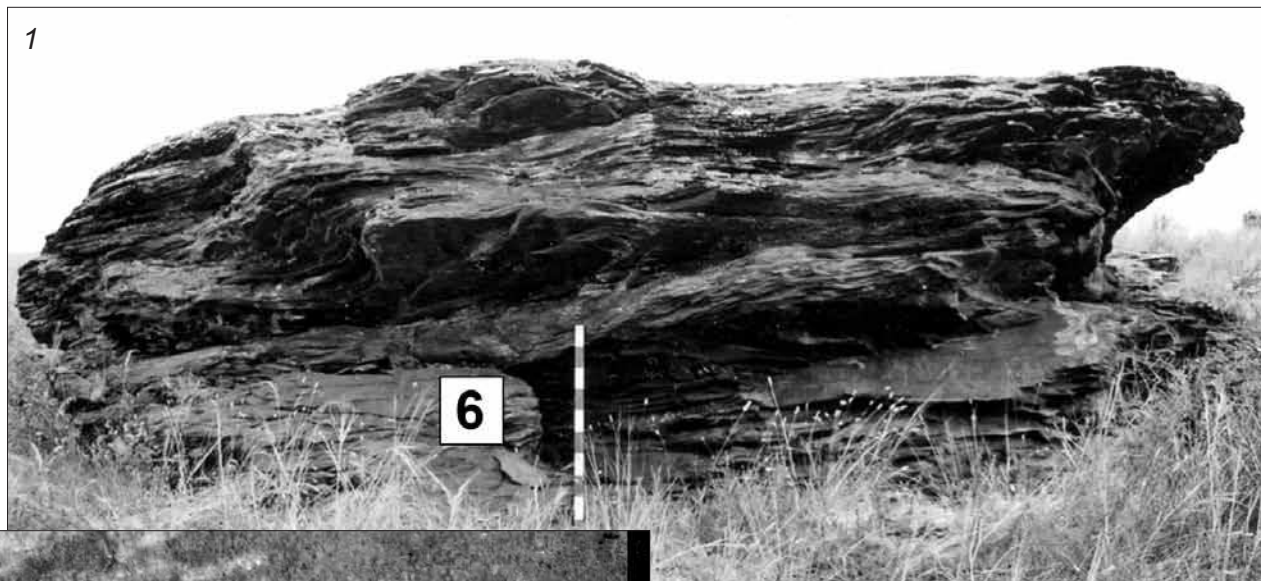

Рис. 25. Грань 6. 1 – общий вид скального останца с гравировкой на западной стороне горы Георгиевской; 2 – фотография изображения птицы; 3 – прорисовка.

Fig. 25. Panel 6: 1 – general view of the rock outcrop on the west slope of the Georgievskaya mountain; 2 – photo of the engraved depiction of a bird; 3 – tracing of the depiction.

несутся или идут рысью. По словам охотоведов, олени и лоси, как правило, передвигаются шагом, и только в моменты опасности и период гона переходят в галоп или так называемую тревожную рысь [Руденко, Семашко, 2003 а, с. 10; 2003 б, с.11].

В рисунках писаницы преобладают дикие животные. В основном это копытные – олени, косули и лоси, реже хищники – волк и медведь или рысь. На гранях 5А и 5В сконцентрированы изображения быков – одиночные и парные (рис. 22, 24). По аналогии с быками на планках из таштыкских склепов, в парных изображениях быков на писаницах можно предполагать тягловых животных [Панкова, 2004, с. 53, 54], однако они могли представлять и диких особей, например, туров. Это были «крупные быки, но лёгкого склада, с не слишком массивной передней частью тела и на относительно высоких ногах» [Млекопитающие, 1999, с. 326]. Южная Сибирь входила в обширную территорию расселения туров, которые были здесь полностью истреблены к XVIII в. [Верещагин, 2002, с. 255]. Такие «лёгкие» быки изображены в сцене на грани 5В, один из них показан четырёхрогим (рис. 24. ф. 3).

Многорogie животные встречаются в наскальных изображениях Саяно-Алтая эпохи бронзы и скифского времени [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005, рис. 136–138]. Подобные персонажи (а также многоухие, многокрылые и т. п.) фигурируют в фольклорных произведениях, где представляют хтонические существа нижнего мира или, напротив, олицетворяют светлые небесные силы [там же, с. 165–169]. В таштыкских материалах своего рода аналогией многорогому быку является семипалая медведица, вырезанная на одной из тепсейских планок и так же связанная, по мнению Ю. И. Михайлова, с кругом мифологических представлений [1995, с.18, 19]. Особая роль медведей на планках определяется их участием в неоднократно повторённых сценах взнуздывания воином «необычного» коня.

Очень выразительно изображение марала в композиции с лучником (**рис. 12**). Густая и длинная шерсть животного передана продольными полосами на шее и клиновидным узором на боках. В таштыкских рисунках такое изображение уникально. Близкие варианты разработки шерсти оленей известны в раннесредневековых петроглифах Саяно-Алтая. В Хакасии это олень с Сулекской писаницы [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 76], но здесь клиновидные линии покрывают шею животного. В рисунках у с. Усть-Кан на Алтае клиновидное заполнение шеи принадлежит наиболее крупным из изображённых оленей [Молодин, 1992, рис. 1]. Продольные полосы на шее оленя показаны в рисунках Калбак-Таша, Кургака и Чаганки [Кубарев, 1999, рис. 7, 2; Кубарев, 2001, рис. 3; Черемисин, 2004, рис. 8]; шея бывает выделена и поперечными дуговидными линиями [Kubarev, Jacobson, 1996, 3, 95, 384]. Все эти способы использовались для передачи пышной гривы самцов, становившейся наиболее заметной в период гона [Руденко, Семашко, 2003 а, с. 11] и, возможно, олицетворявшей жизненную силу оленя.

Две схематичные фигурки птиц с граней 2F и 6 отличаются от реалистичных изображений людей и животных и похожи, скорее, на символы (**рис. 16, 25–3**).

Сцены с участием человека изображены на трёх гранях памятника. Первые две представляют всадника в панцире(?) (**рис. 10**, ф. 4) и пешего охотника на марала (**рис. 12**). На третьей показаны пять фигур лучников, пеших и конных, и изображение летящего вниз головой человека(?) (**рис. 24**). Это единственная плоскость на Георгиевской, где представлено значительное число людей, сопоставимое с числом животных. Трудно сказать, изображена ли здесь сцена охоты, или эпизод сражения, а может быть, то и другое разом. Массовое присутствие «активных» человеческих фигур отличает эту композицию от других сцен Георгиевской, где в основном представлены животные, а действия людей не выражены.

В резных композициях писаницы большинство фигур обращено вправо, и лишь три – в обратную сторону (**рис. 7, 11, 17**). Эта особенность характерна и для многих других таштыкских наскальных гравировок. Существует мнение о том, что направление бега зверей на петроглифах связано с их принадлежностью земному или потустороннему миру [Дэвлет, 1995]; в рисунках Георгиевской такая закономерность не прослеживается.

Отметим присутствие у отдельных фигур животных дублирующих линий ног (**рис. 16; 18**, ф. 1), представляющих как будто след их предыдущего движения.

Каждая из таштыкских писаниц обладает своим индивидуальным стилем, не исключение здесь и Георгиевская. Большая часть её гравировок выполнена в единой манере, то есть, обладает сходством, которое проявляется как в общем впечатлении от рисунков, так и в конкретных особенностях фигур. Эти рисунки выразительны и изящны, подвижные фигуры животных, вырезанные тонкими линиями, производят впечатление чрезвычайной лёгкости. Одни и те же характерные детали узнаваемы на многих плоскостях. На гранях 2С, 3, 4 это олени рога, переданные парами изогнутых линий с отходящими от них «побегами» (**рис. 13**, ф. 5; **18**, ф. 4; **20**, ф. 3). Три грани объединены почти идентичными изображениями косуль (**рис. 10**, ф. 3; **17; 18**, ф. 1–3), а ещё две – фигурами птиц (**рис. 16, 25–3**). Сходны меж собой и фигуры маралов с плоскостей 2С и 3: у них массивная шея с горбом и тонкие ноги, хотя рога выполнены по-разному (**рис. 13**, ф. 3; **18**, ф. 4). Копытные с граней 2С, 2G и 4 объединены передачей тонких передних ног, как будто вырастающих из одной точки, а грудная клетка животных имеет подчёркнуто прямоугольные очертания (**рис. 13**, ф. 4; **17; 20**, ф. 2, 3). Сходным образом исполнены лошадь и марал с граней 1 и 2В (**рис. 7**, ф. 2, **12**). Вполне вероятно, что все названные композиции с участков 1–4 и 6 были вырезаны одним и тем же мастером. А вот гравировки плоскости 5В отличаются иным «почерком» и некоторой небрежностью исполнения (**рис. 24**). Они, скорее всего, были вырезаны другим человеком, и тот же человек выполнил фигуры бычков с соседней граней 5А (**рис. 22**).

Фигура коня со стременами (**рис. 11**), не найденная в 2003 г. и, возможно, утраченная, отличалась от обеих групп резных рисунков. У коня отсутствует чёлка-султанчик, иначе показан хвост. Изображение стремян не встречается более ни на одном таштыкском рисунке. При этом стремяна, очевидно, были известны на позднем этапе таштыкской культуры: миниатюрная модель стремени происходит из склепа Арбанского чаатаса – одного из позднейших таштыкских памятников [Савинов, 2005; Азбелев, 2008].* Особенности рисунка коня со стременами позволяют относить его как к таштыкскому, так и к более позднему времени.

* Трудно сказать, являлся ли моделью стремени миниатюрный предмет из более раннего склепа 16 могильника Маркелов Мыс I [Тетерин, 2007, рис. 19].

О датировке резных рисунков Георгиевской можно говорить лишь в самом общем виде. Техника резьбы, динамизм и изящество фигур, приём сдвинутых в одну плоскость задних ног животных и поза быстрой рыси позволяют без сомнения относить эти изображения к таштыкской изобразительной традиции. Резные изображения в таштыкском стиле уверенно соотносятся только с поздним этапом культуры – этапом склепов. Для этого периода обоснована датировка V–VII вв. [Вадецкая, 1999], внутри неё лишь редкие склепы можно доказательно отнести к более узкому промежутку времени. Изображённые на Георгиевской реалии немногочисленны и также не уточняют время создания гравировок. Луки не показательны из-за их длительного бытования. То же можно сказать о сосудах (гр. 2А и 2Е). Судя по вытянутым пропорциям, это скорее металлические котлы, чем керамические кубки, хотя на них и отсутствуют обычные для котлов вертикальные ручки. Котлы или кубки изображены на многих таштыкских писаницах, где они обычно расположены вблизи фигур всадников или диких животных. Как и на Георгиевской, их роль в композициях в каких-либо деталях не проявляется.

Стрелы с ярусными наконечниками, как на грани 4А Георгиевской, изображены на многих таштыкских гравировках: деревянной планке из склепа 1 на Тепсе [Грязнов, 1979, рис. 61, 3], на писаницах Тус [Вадецкая, 1986, табл. XI, 2], Шалаболино [Пяткин, Мартынов, 1985, табл. 2, 7], Куртуяк и Суханиха, курганном камне из заповедника Чазы [Панкова, 2005, ил. 7] и других памятниках [Кызласов Л. Р., 2002, с. 79]. При этом сами железные наконечники на территории Минусинской котловины редко встречаются в комплексах и представлены в основном случайными находками. Небольшая серия ярусных наконечников найдена в памятниках, соотносимых с периодом таштыкских склепов (Ташеба, склеп 2; Сыры, склеп 1; слой Утух-Хая-Кисте; поселение Ай-Дай IV) [соотв.: Вадецкая, 1999, табл. 70; Кызласов Л. Р., 1960, рис. 46–5, 6; Худяков, 1978, рис. 2–1, 2; Николаев, 1997, рис. 5–3], а также в Каратавской пещере на р. Чибижек вместе с изделиями геральдического круга, датированными автором раскопок 2-й пол. VII в. [Кызласов И. Л., 1999, с. 185–188]. Следует отметить значительно большее разнообразие форм ярусных наконечников на гравировках по сравнению с немногочисленными экземплярами из комплексов. По-видимому, последние не отражают всего многообразия ярусных стрел, используемых в середине I тыс. [Панкова, в печати].

Сравнение гравировок Георгиевской с миниатюрами деревянных планок демонстрирует их стилистическое единство, а отличия касаются сюжетов, степени проработки реалий и пространственного размещения фигур. Гравировки Георгиевской включают куда меньшее число сюжетов, и даже присутствие батальных сцен, первостепенных на планках, здесь под вопросом. Предметный комплекс, изображённый на Георгиевской, также менее разнообразен, зато на её гранях трижды представлены котлы, отсутствующие на деревянных миниатюрах.

На плакетках всё внимание концентрируют на себе многочисленные воины, изображённые в разнообразных позах, различных костюмах, с вооружением разных форм. При этом дикие животные (копытные) обезличены, представляя чаще всего ряд одинаковых фигур. Их фондовый, «кортежный» характер отметил и Ю. И. Михайлов, анализируя тепсейские изображения [1995, с. 19]. На Георгиевской ситуация обратная. Фигуры животных индивидуальны, что проявляется в разнообразии поз и выразительности образов. Люди на Георгиевской, напротив, «потерялись» и численно, и образно. На планках Тепсея и Ташебы велика роль эпизодов, представляющих конкретные, связанные с человеком события – историко-легендарные или эпические. В большинстве гравировок Георгиевской эта смысловая сторона как будто отсутствует, акцент смещён в сторону животных. Трудно сказать, характерны ли названные особенности для таштыкских писаниц вообще или только для рисунков Георгиевской. Для более полного представления об этих памятниках необходимы публикации других таштыкских наскальных изображений.

Петроглифы Георгиевской, относящиеся к иным эпохам и только упомянутые в данной публикации, требуют отдельного подробного рассмотрения.

Summary

The Georgievskaya mountain is situated on the left bank of the Tuba river (a tributary of the Yenisey), 1 km south of the village of Tes' in the Minusinsk district of the Krasnoyarsk region. It is a dominating height in the valley, which made the mountain an object of worship. The worship was maintained even by Russian peasants from the village, who erected a chapel on top of the mountain. The chapel was dedicated to St. George – hence the name of the mountain. The famous and major rock art site of Shalabolino is situated on the other bank of the river and can be seen from the Georgievskaya.

Petroglyphs on the rocks of the Georgievskaya were already known in the 19th century. N. M. Martyanov, the director of the Minusinsk museum, knew the site and informed D. A. Klements, who put it on his map of archaeological sites of the Minusinsk basin, which was published later, in 1888, by V. V. Radlov. In 1972 the rock art site on the Georgievskaya mountain was re-discovered by students from the expedition led by E. B. Vadetskaya, who excavated sites near the village of Tes'. In 1974, 1975 and 1980 the petroglyphs were specially investigated and recorded by N. V. Leontiev. In 2003 and 2004 an expedition worked here from the State Hermitage, led by S. V. Pankova, with the special aim of documenting the engravings of the Tashtyk culture.

The mountain stretches along the little Tes' river, a branch of the Tuba. Most of the panels are located on the south slope, facing the extensive valley (**col. il. 1–3**). A fairly steep slope ends at the top with a wide horizon of outcrops of red Devonian sandstone. Petroglyphs occur along the whole length of this horizon, with the exception of several areas which were destroyed by a rock quarry. Some scattered images also occur on smaller horizons, above and below the main outcrop, as well as on the other slopes of the mountain. In total there are about 40 panels at the site. In the foothills several cemeteries have been found, dating from the Eneolithic period to the Middle Ages. Among them are the vaults and funerary remains of the Tashtyk culture.

The mountain attracted the attention of ancient artists for several thousand years. The most ancient petroglyphs are related to the earliest stratum in South Siberian rock art – to the so called Minusinsk style (**fig. 2, 3; col. il. 4**). Even the appearance of the images testifies to their great antiquity: they and the panels are covered with a yellowish calcite crust. The next stratum is represented by several schematic zoomorphic figures, which by their style can be attributed to the Late Bronze Age (i. e. the Karasuk culture) (**fig. 4**). Not many images are related to the Early Iron Age (i. e. the Tagar culture): only one panel with deer figures may be ascribed to it with confidence (**fig. 5; col. il. 5**). The Tashtyk culture of the Early Middle Ages is represented the most abundantly. Nearly all the depictions rendered in the technique of fine engraving were created in this period. The Tashtyk engravings on some panels are superimposed by pecked figures of humans and animals, whose dating is unclear. Perhaps, they are no younger than the 13th–14th centuries. Finally, the most recent stratum (not counting the modern imitations) can be dated to the 15th–18th centuries. It consists of roughly pecked human figures, sometimes with sabres and drums in their hands, and of depictions of trees and various animals (**fig. 6; col. il. 7, 9**). This stratum still remains practically unstudied, but N. V. Leont'ev considers that these images belong to the Baikotovians – *ket*-speaking people, who lived in the area before the Russians came here.

The sandstone outcrops on the Georgievskaya are being intensively destroyed: the superficial rock crust is exfoliating and entire blocks of stone are falling down. Moreover, many panels on the south slope are covered with modern painted inscriptions, which conceal ancient images. The top of the mountain is very popular among the local youth: they use it as a playground, and unfortunately they leave their graffiti on the rocks.

The stratum of the Tashtyk engravings is the most significant among the Georgievskaya petroglyphs. This paper deals with it comprehensively, and publishes them completely. The petroglyphs of the other periods are only briefly mentioned here; they require special investigation and publication.

Most of the Tashtyk engravings are situated within the main horizon on the south slope. They are concentrated in 12 panels at 5 sections (**col. il. 1**). The inventory of the sections goes from west to east, and the panels within each location are marked with letters. The surface of these panels is plain and smooth, convenient for creating engravings.

Most of the Tashtyk compositions on the Georgievskaya are scenes of people hunting hoofed animals, and of hoofed animals being pursued by predators. In those compositions where only hoofed animals are represented, apparently the same subjects are depicted: deer, roe deer and elk are defeated with arrows or are running rapidly or trotting. According to hunters, deer and elk, as a rule, move at slow pace, and only in moments of danger and periods of rutting do they gallop or trot. Mostly wild animals are depicted: among these, hoofed animals dominate – deer, roe deer and elk – and there are single images of a wolf and a bear (or lynx). On panels 5A and 5B there are images of bulls – individuals and in pairs (**fig. 22, 24**). Through analogy with the bulls depicted on the plaquettes from the Tashtyk vaults, one may assume that the paired images of bulls on the rocks are draft animals. But they could also represent wild species, for example, the aurochs. South Siberia was part of the wide area of aurochs distribution, from which they had been completely exterminated by the 18th century.

One very expressive figure is a depiction of a stag in a composition with an archer figure (**fig. 12, col. il. 7**). The animal's dense and long hair is executed by stripes on the neck and by triangular lines on the body.

Within Tashtyk imagery such a depiction is unique. Similar variants of rendering a deer's hair are known from numerous engravings of the Turkic period at the Altay sites. This was probably aimed at stressing the luxuriant mane of the males, which was especially noticeable during the rutting period, and possibly embodied the deer's vitality.

Scenes with the participation of a man are found on 3 panels. One represents an armoured horseman (**fig. 10, 4**). Another represents an archer hunting a stag (**fig. 12**). And the third panel contains a multi-figured composition including 5 figures of archers, both mounted and not (**fig. 24**). This is the only panel on the Georgievskaya in which a significant number of humans is represented, comparable with the number of animals. It is hard to say if this is a depiction of a hunting scene or an episode of a battle, or perhaps both together. But the mass presence of "active" humans distinguishes this composition from the others at the Georgievskaya.

Each of the Tashtyk rock art sites possesses its individual style. The Georgievskaya is no exception here. Most of its engravings are rendered in the same manner, i. e. they convey a similarity, which is revealed both in the general impression of the depictions, and in the specific peculiarities of the figures. These depictions are expressive and elegant, lively animal figures, cut with filiform lines, giving the impression of extreme lightness. The same specific details are recognizable on many panel – for example the deer antlers on panels 2C, 3, 4 (**fig. 13, 5; 18, 4; 20, 3**); almost identical images of roe deer on panels 2A, 2G and 3 (**fig. 10, 3; 17; 18, 1–3**); and birds on panels 2F and 6 (**fig. 16, 25, 3**). The figures of stags on panels 2C и 3 (**fig. 13, 3; 18, 4**) are very similar to each other. Hoofed animals on panels 2C, 2G and 4 are united through the manner of rendering thin legs, as though growing from one point, and a chest of rectangular shape (**fig. 13, 4; 17; 20, 2, 3**). The horse and the stag on panels 1 and 2B (**fig. 7, 2, 12**) are executed in a similar way. It is highly possible that all the listed compositions from sections 1–4 and 6 were engraved by the same master. In contrast, the engravings on panel 5B differ through featuring another "hand" and some carelessness in execution (**fig. 24**). They were most likely engraved by another person, who also engraved the bull figures on panel 5A (**fig. 22**).

The image of a horse with stirrups (which was not rediscovered in 2003, and so is possibly lost) differs from both groups of engravings (**fig. 11**). It is much smaller than the other figures. The horse has no plume at the head, and its tail is depicted differently. Stirrups are not shown in any Tashtyk depiction. However, stirrups were in use in the later stages of the Tashtyk culture: miniature models of stirrups are found in some late Tashtyk vaults. The peculiarities of the depiction of a horse with stirrups make it possible to relate it both to the Tashtyk period and to a later time.

The dating of the engravings of the Georgievskaya can only be given in general outline. The technique, the dynamism and elegance of the figures, the manner of executing the hind legs of animals, their specific pose of a rapid trot – all this enables us to relate these images with confidence to the art tradition of the Tashtyk culture. Engravings of this style only correlate with the later stage of the culture – the so-called stage of vaults, which is dated to the 5th–7th centuries AD. The real objects depicted on the Georgievskaya (such as bows, cauldrons, arrows) are not indicative and cannot help to define the date more precisely.

A comparison of the engravings of the Georgievskaya with those from wooden plaquettes demonstrates their stylistic unity, while the distinctions are connected with the subjects, the degree of executing details and the spatial arrangement of figures. The engravings of the Georgievskaya contain far fewer subjects; there is an especially noticeable absence of battle scenes. On the plaquettes the main heroes are the numerous warriors, depicted in various positions, various costumes and with a variety of weaponry, while the wild animals are deprived of their individuality and shown most often as rows of identical figures. At the Georgievskaya the opposite occurs: the animal figures are individual, expressive and variable, while the human figures are small in number and inexpressive. In addition the depictions of real objects are much less representative at the Georgievskaya, but there are depictions of cauldrons there which are not shown on the wooden plaquettes.

It is hard to say if the listed peculiarities are characteristic of Tashtyk rock art in general or just of the Georgievskaya. For more complete information about these sources we need publications of other Tashtyk depictions.

Библиография

- Адрианов А.В.** Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. – СПб., 1904.
- Адрианов А.В.** Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии... Вып. 7, 8. – СПб., 1908.

- Адрианов А. В.** Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии... Вып. 10. – СПб., 1910.
- Азбелев П. П.** Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. – СПб., 2008.
- Вадецкая Э. Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986.
- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская эпоха. – СПб., 1999.
- Верещагин Н. К.** От ондатры до мамонта. Путь зоолога. – СПб., 2002.
- Грязнов М. П.** Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979.
- Дэвлет М. А.** Три наскальные композиции из Тувы // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.** Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М., 2005.
- Евтюхова Л. А.** К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // Труды Государственного Исторического музея. Вып. VIII. – М., 1938.
- Киселёв С. В.** Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартыанова. Т. 6. Вып. 2. – Минусинск, 1929.
- Киселёв С. В.** Афанасьевские курганы у с. Сыда и Тесь // Советская археология. № 2. 1937 а.
- Киселёв С. В.** Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // Советская археология. № 3. 1937 б.
- Клеменц Д. А.** Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Записки Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества. Том 2. Вып. 2. – Иркутск, 1890.
- Кубарев В. Д.** О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. – Горно-Алтайск, 1999.
- Кубарев В. Д.** Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник САИПИ. № 4. – Кемерово, 2001.
- Кубарев В. Д., Маточкин Е. П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992.
- Кызласов И. Л.** Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999.
- Кызласов Л. Р.** Историко-культурное значение образцов таштыкского искусства (на примерах графики) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990.
- Кызласов Л. Р.** Сампир. – Абакан, 2002.
- Макаров Н. П.** К истории комплектования, изучения и экспонирования коллекций // Век подвижничества. – Красноярск, 1989.
- Михайлов Ю. И.** Семантика образов и композиции в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995.
- Михайлов Ю. И.** Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово, 2001.
- Млекопитающие.** Большой энциклопедический словарь / Науч. ред. И. Я. Павлинов. – М., 1999.
- Молодин В. И.** Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск, 1992.
- Николаев Н. Н.** Предварительные итоги культурно-хронологической идентификации поселения Ай-Дай IV в Хакасии // Новые исследования археологов России и СНГ. Мат-лы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. – СПб, 1997.
- Николаева Т. Н., Пяткин Б. Н.** К истории изучения петроглифов Енисея (дореволюционный период) // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1979.
- Панкова С. В.** Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. – Горно-Алтайск, 2004.
- Панкова С. В.** Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 г. – СПб., Государственный Эрмитаж, 2005.
- Панкова С. В.** Ярусные наконечники стрел в таштыкских гравировках // Записки Восточного Отделения Российского археологического общества. Том III (XXVIII). – СПб., в печати.
- Панкова С. В., Архипов В. Н.** Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 год. – СПб., Государственный Эрмитаж, 2004.
- Радлов В. В.** Сибирские древности. Т. I. Вып. 1. (Материалы по археологии России, № 3). – СПб., 1888.
- Руденко Ф. А., Семашко В. Ю.** Лось, кабан (серия «Охота в России»). – М., 2003 а.
- Руденко Ф. А., Семашко В. Ю.** Олень (серия «Охота в России»). – М., 2003 б.
- Савинов Д. Г.** Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005.
- Скобелев С. Г.** Археологические памятники позднего средневековья – начала нового времени как отражение процессов этногенеза в среде коренного населения северного Присяяня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Археология и этнография. Том 2. Вып. 3. 2003.
- Тетерин Ю. В.** Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. – Новосибирск, 2007.
- Худяков Ю. С.** О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.
- Черемисин Д. В.** Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (17). 2004.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900.
- Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische Kunstdenkmäler. – Helsingfors, 1931.
- Aspelin J. R. M. A.** Castréns Aufzeichnungen über die Altertümer im Kreise Minusinsk // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXI. 1901. (Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft).

Архивные материалы

Леонтьев Н. В. Петроглифы горы Георгиевской. Отчёт по результатам обследований 1974, 1975, 1980 гг. – Минусинск, 1994. Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова.